

Талейдоскоп

Тим Скоренко

ВДОЛЬ ПО ЛЕЗВИЮ СЛОВ

Тим Скоренко

Вдоль по лезвию слов (сборник)

«Автор»

2012

Скоренко Т. Ю.

Вдоль по лезвию слов (сборник) / Т. Ю. Скоренко — «Автор»,
2012

Творчество Тима Скоренко – писателя, поэта, музыканта, журналиста, популярного блогера, путешественника, человека тысячи других увлечений – настолько же разносторонне, как он сам. Любитель экспериментировать, он редко когда пишет похожие друг на друга рассказы. Вещи, выходящие из-под клавиш его клавиатуры, всегда резкие, неожиданные, задающие непростые вопросы – и одновременно с тем увлекательные и запоминающиеся.

© Скоренко Т. Ю., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Предисловие	5
Еще о сборнике	7
Лезвие	8
Быстрые рассказы	9
Игры демиурга	9
Бремя хорошего человека	17
Тихие игры	26
Здравствуй, Каин	40
Подземелья Третьего Рима	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Тим Скоренко

Вдоль по лезвию слов

Предисловие

Зная Тима Скоренко, невозможно однажды не прийти к мысли о том, что способность жить насыщенной, разносторонней жизнью – это своего рода талант, который при рождении даётся не всем. Тим обладает этим талантом в полной мере, и можно завидовать ему – пока не станет ясно, что выдерживать такой накал, такую концентрацию событий и впечатлений способен далеко не каждый. Я, например, не могу. Честное слово, мне иногда кажется, что у этого человека семьдесят два часа в сутках!

Тим очень много пишет, пожалуй, больше, чем все известные мне люди пера. Он журналист, за последние несколько лет он опубликовал великое множество статей, иной раз бывает до полудюжины в месяц. Он поэт и бард, у него сотни стихов и песен. Он популярный блогер и постоянно радует своих читателей эксклюзивными материалами. «Тим, – говорил я ему, – вот ты пишешь тексты, большие, интересные, с кучей картинок, – неужели тебе не жаль, что они висят только в Интернете?» «Всё о'кей, – отвечал мне Тим. – Есть тексты для бумаги, есть для Сети. Хотя некоторые я бы с удовольствием опубликовал». В принципе в этом имеется своё рациональное зерно: читателей у Живого Журнала Тима Скоренко поболее, чем у иного бумажного издания.

И, конечно, он писатель и в этом своём амплуа тоже весьма успешен. Обычно люди, которые пишут много, – пишут скучно и одинаково. Но тут другой случай. Тим редко когда возвращается к одной теме, к одной идее, к одной ситуации. «Я об этом уже писал, мне это не интересно». Собственно, к мысли создать новую серию мы в издательстве пришли, столкнувшись с невозможностью определить сборник Тима Скоренко в одну из уже существующих: рассказы казались слишком разными.

Я ещё не сказал, что Тим – увлечённый путешественник. Одно время его девизом было: «Ни недели без нового города!» – и он действительно каждую неделю куда-то ехал, причём не праздно, а вооружившись тщательно собранной информацией, он изучал каждый город или городок до мелочей. Сейчас он ездит реже, но дальше – исследуя пространство за пределами бывшего Советского Союза.

И все впечатления от поездок, все многочисленные интересы Тима находят отражение в его текстах – вы прочтёте об этом в авторских комментариях после каждого рассказа.

Пожалуй, предисловие к книге, претендующей на всестороннее раскрытие творчества писателя, не может обойтись без био– и библиографических сведений.

Тим Скоренко родился 28 февраля 1983 года в Минске. Там же окончил школу, а затем Белорусский национальный технический университет. В 2009 году Тим переехал в Москву и вскоре стал редактором в журнале «Популярная механика», где и работает до сих пор.

Стихи и песни Тим Скоренко пишет с 2002 года и весьма преуспел в этом начинании. Прозу – с 2004 года. Его первый рассказ был опубликован в 2008 году («Тихие игры» в альманахе «Полдень. XXI век»), первый роман – «Ода абсолютной жестокости» – вышел из типографии в 2010 году и тотчас же был удостоен премии «Серебряная стрела». Следующий роман, «Сад Иеронима Босха», произвёл эффект взорвавшейся бомбы и получил уже три награды: «Бронзовый кадуцей», «Бронзовый Роскон» и «Бронзовую (что характерно) улитку»; Борис Стругацкий, говоря о будущем отечественной фантастики, назвал три фамилии – и одна из них была фамилия Скоренко. Третий роман Тима, «Законы прикладной эвтаназии» (2011 год),

тоже был отмечен рядом премий. А впереди уже виднеется и четвёртый, и пятый – как говорится, *semper in motu*.

Александр Петров

Еще о сборнике

Талант Тима Скоренко появился так стремительно, что ещё не все любители отечественной фантастики успели прочесть его книги, хотя слышали о нем практически все. Отгадка проста: раньше Тим занимался музыкой – выступал с концертами, писал прекрасные стихи и учебники по стихосложению, получал призы на музыкальных фестивалях. А в какой-то момент переключил свои таланты на литературу, – и это выглядело вспышкой. За несколько лет – три книги и множество журнальных публикаций, высокие оценки критиков и престижные литературные премии, в том числе «Бронзовая улитка» Бориса Стругацкого.

В своей книге рассказов Тим использует самые разные миры: ковбои и автогонщики, московские диггеры и иностранные спецслужбы, магия и космос. Но везде мы видим авторский почерк: точность психологических портретов, пронзительная лаконичность и – энергия. Яркая, современная, бьющая через край энергия действия. Плюс хороший стиль, за которым угадывается богатый литературный багаж автора, и, конечно же, огромный запас человеколюбия и веры в то, что на самом деле, несмотря на все беды героев, на Земле когда-нибудь всё будет хорошо.

Леонид Каганов

Лезвие

Анна взойдёт на мост, узкий, как бритвы лезвие, бросит беспечный взгляд в чёрную пустоту. Всякий, кто наг и бос, выбросив бесполезное, встанет за Анной в ряд, двигаясь по мосту. Встанет за Анной в ряд, будет её подталкивать: «Ну же, давай быстрее! Страшно тебе, поди?..» Ты помолчал бы, брат, – будь настоящим сталкером, хочешь вести в игре – ну так давай, веди. Анна идёт вперёд, руки расставив в стороны, в правой руке держа бремя своих грехов, горестей и забот; платье её оборвано, как и её душа, сито для сквозняков. Левая же рука – всякие добродетели, радости и любовь, скромность и красота, только вот у греха больше в разы свидетелей, тупоконечных лбов, пляшущих в никуда. Анна идёт вперёд, мастерски балансируя между обрывом вниз и вознесеньем вверх; Анну никто не ждёт, верящую и сильную, это её карниз, периодичность вех.

Каждому – свой мосток, свой дисбаланс над пропастью, гиля в одной руке, гиля в другой руке. Каждому свой итог, кто-то – в чаду и копоты, кто-то на волоске, тоненьком волоске. Справа – гниющий ад, чёрная вакханалия, холод полярных льдов, вечная мерзлота, шах и сейчас же мат: к чёрту твои регалии, нынче же будь готов в бездну упасть с моста. Слева – зелёный рай, красочное цветение, свежесть весенних трав, мир, тишина, покой, но такова игра, правила поведения: раз ты боец добра – в ад маршируй и пой. Лейся, чумной мотив тех, кто идёт по кромочке, тех, у кого в глазах – остервенелый страх; ну же, давай, веди, не дожидаясь помощи, это твоя стезя, это твоя гора, это твои ветра, насыпи и течения, видишь, ли, экзерсис ждёт тебя, дурака. Если же я не прав, я не прошу прощения, мне бы с тобою – вниз, ноша моя тяжка.

Анна идёт вперёд, в этом её призвание, в этом её судьба, как объяснить ещё. Анна давно не ждёт истины и познания, вера её слепа, мысли её не в счёт. Мне бы теперь упасть – чёрт с ним, в любую сторону, если случится в ад – значит, случится в ад. Ад раскрывает пасть, прочь улетают вороны, что-то мне говорят, что-то на птичий лад. Анна идёт вперёд, мост всё такой же узенький, ноши в её руках, в целом, вполне равны. Тихо она поёт, тихо играет музыка, тихо течёт река, вороны лишь шумны.

Страшно не впереди и не внизу, где месиво зла и добра, где рать рая вползает в ад. Страшно вот так идти, в медленном равновесии и до конца не зная, грешен ты или свят. Авель ли слева ждёт, справа ли стонут Каины – кто-то один из них будет со мною в такт. Страшно идти вперёд, вечно и неприкаянно. Господи, подтолкни, не оставляй вот так.

Быстрые рассказы

Игры демиурга

1. Безвременье

Демиург протягивает руку и зачерпывает полную ладонь вязкой коричневатой глины. Он раскатывает её между ладонями, затем вытягивает один из концов получившегося валика. Лепит четыре лапы и прикрепляет их к туловищу. Держит зверя на ладони, любит. Зверь силен и ловок. У него длинная тонкая морда, похожая на лисью, узкая пасть усеяна мелкими острыми зубками. У него пушистая шерсть. У него мощные лапы, позволяющие двигаться с огромной скоростью.

Демиург ставит зверя на шарик.

Демиург протягивает руку и выдирает из земли дерево. Он обламывает сучья и делает один из концов ствола приплюснутым. Прикрепляет конечности, любит получившимся созданием. Зверь страшен. У него мощная голова, похожая на волчью, но много больше, у него тяжёлый загривок и когтистые передние лапы, способные переломить любого соперника, словно тростинку. Задние лапы слабые, и зверь не может передвигаться быстро.

Демиург ставит зверя на противоположную сторону шарика.

И улыбается. Чёрные глаза демиурга внимательны и злы.

2. День

Июля бежит по дорожке к дому. Там мама, большая и тёплая, и у мамы всегда есть что-нибудь вкусное для любимой Июленьки. Сарафанчик развеивается, густые рыжеватые волосы треплет ветерок. Июля двумя руками врывается в дверь, распаковывает её и тут же летит на кухню. Мама чистит морковь. Июля морщится: сейчас её заставят есть эту пакость.

Мама улыбается.

– Привет, моя милая, дать тебе чего-нибудь?

– Только не морковку, – капризничает Июля.

Мама звонко смеётся.

– Негодница... Ну, подставляй ручки.

Июля охотно подставляет. Мама насыпает в горсть влажных черешен. Они немножко пахнут морковью, которую чистит мама, но это не страшно.

– Спасибо! – кричит Июля.

Мама что-то говорит, но Июли уже и след простыл.

Девочка выбегает со двора.

Июля бежит к лесу, по дороге роняя черешни и не замечая этого. Опушка близко – две минуты, и вот уже прохладно и уютно. Великан-дуб ласково принимает Июлю. Она любит сидеть у его корней, огромных, корявых. Она может забиться в щель между ними, сухую и тёплую, и мечтать там, что встретит сегодня волшебника, который исполнит три её желания. Или, наоборот, мерзкого гоблина, которого, конечно, победит и станет знаменитой и всеми любимой.

Дуб шумит. Июля подбрасывает черешни в воздух и пытается ловить их ртом. Получается не всегда. Когда черешня не попадает в рот, она скатывается по сарафану и останавливается в его складках. Июле хорошо.

Внезапно девочка чувствует, что за дубом кто-то есть. Она держит в руке три оставшиеся черешенки, встаёт, обходит дерево. Никого. Одна черешенка выпадает из кулачка и закатывается в какую-то нору. Чтобы не потерять остальные, Июля заталкивает их в рот.

Она идёт дальше, прочь от дуба, в лес. Она не боится заблудиться: лес совсем небольшой, и она его знает как свои пять пальцев, не даром тут выросла.

Вот сломанная берёза, в прошлом месяце ветром повалило. Вот большой муравейник, в нём копошатся умные смешные муравьи. Июля останавливается, садится на корточки, тыкает в муравейник прутиком. Муравьишки принимают бегать быстрее, волнуются, торопятся восстановить разрушенное.

И снова Июля чувствует кого-то неподалёку. Она оборачивается и понимает, где нужно искать.

– Эй! – кричит она. – Выходи!

Никто не отзывается. Июля идёт к полянке.

Полянка светлая и солнечная. Она поросла зелёной свежей травой. Июля любит валяться на траве, но сейчас ей не до этого. Она оглядывается.

– Эй!

Он появляется незаметно. Вот Июля смотрит в сторону, вот поворачивается, а он уже там. Он похож на лиса, только крупного, даже огромного. У него хитрые чёрные глаза и бурая шерсть. У него узкая длинная морда.

Он открывает пасть. Она полна мелких острых зубов. Но Июля не боится, потому что зверь просто зевает. Она подходит ближе. Зверь тоже делает шаг вперёд. Июля протягивает руку и дотрагивается до его холодного чёрного носа. Зверь тыкается в её подмышку. Июля гладит его по голове.

– Лисичка... – шепчет она.

Лисичка вырывает траву когтистой лапой и скалит острые, как бритвы, зубы.

Июля гладит зверя.

Зверь делает шаг назад.

– Уходишь? – спрашивает Июля.

Зверь смотрит на девочку.

– Ну, пока.

Зверь разворачивается и исчезает в кустах.

«Мама, я видела лисичку», – скажет Июля маме. «Правда? – улыбнётся мама. – Выдумщица ты моя». И погладит Июлю по голове.

3. Безвременье

Глиняный зверь бежит по шарiku. Он бежит через леса и поля, через горы и реки. Его сильные лапы месят землю. Его шерсть развеивает ветер, его нос чует все запахи мира.

В лесу глиняный зверь останавливается. Поднимает морду вверх и воет. И ночной лес оживает. Совы слетаются на зов глиняного зверя, травы своими корнями ползут к нему, волки стаями сходятся на вой, рыбы плывут к берегу, стараясь быть ближе к зверю, летучие мыши повисают на окрестных деревьях, даже серые камни просыпаются и шевелятся в своих мшистых лежищах.

Глиняный зверь собирает своё войско.

Демиург смотрит на глиняного зверя и улыбается. Его рот растягивается, его глаза горят, потому что игра начинает принимать верное направление.

Зверь воеет, другие звери сбегаются на зов. Демиург смотрит.

4. День

Июля идёт по деревенской улице и несёт полную корзину куриных яиц, свежих, только снесённых. Куры несутся хорошо, солнце яркое, погода радует, до таверны рукой подать. С тех пор, как мимо деревни проложили тракт, дела пошли в гору. Брат открыл таверну и кормит там проезжающих. Некоторые даже останавливаются на день или два, снимают комнаты.

Июля одета в нарядное платье, ей шестнадцать лет.

Июля заходит под тень навеса. Старый мельник сидит в кресле-качалке и курит трубку.

– Доброе утро, дядюшка Мика, – приветливо здоровается Июля.

Мельник что-то бурчит в ответ.

Июля заходит в таверну. Брат сидит за одним из столиков, пьёт золотое пиво. Мать, наверное, на кухне.

– Как улов? – спрашивает брат.

Июля демонстрирует ему полную корзину.

– Ну и ладненько. – Он доволен.

Мать вышивает что-то в комнате за кухней. При появлении Июли она прячет вышивку.

– Я принесла яйца, оставила на кухне.

– Спасибо, милая.

В доме один постоялец, живёт уже третий день, платит серебром, щедрый. Ему лет двадцать пять, он красивый, нравится Июле. Поутру он выходит на балкон голый по пояс, но уже при шпаге, потягивается, потом садится на лошадь и едет к лесу – фехтовать.

– Уже ушёл? – спрашивает Июля.

– Пять минут как, – отвечает мать.

Он нравится матери. Но она боится, что он одурачит её девочку.

Июля выходит.

– Ты куда? – спрашивает мать.

– Лошадь надо вывести.

Лошадь у них одна. Никакая не породистая, просто обычная лошадь, выхоженная ещё жеребёнком. Но молодая и сильная. Два раза в неделю брат впрягает её в телегу и едет на базар в город.

Июля заходит в стойло, гладит Пеку по морде. Пека отворачивается. Конечно, ей хочется чего-нибудь вкусного, а тут – пустая рука.

Июля выводит Пеку на улицу. Пека щурится и болтает головой. Июля легко забирается на лошадь. Июля не знает, что такое седло. Она видит сёдла на лошадях проезжающих, но не понимает их смысла. Когда седла нет, и лошади проще, и чувствуешь её лучше.

Июля едет к опушке.

Она отпускает Пеку у самого дуба, и Пека убегает в поле.

Июля крадётся к полянке.

Там, на полянке, Марк размахивает своей шпагой, красивый, гибкий, ловкий. Карлин, его конь, привязан рядом, ухоженный, чёрная грива блестит, седло начищено.

Марк двигается ловко, кажется, попадись ему сейчас враг, тому не поздоровится. Июля наблюдает за Марком из-за дерева.

Марк оглядывается и смеётся.

– Выходи, красавица.

Июля робко показывается на свет.

– Что прячешься?

Июля молчит, краснеет.

– Ну, не красней, красавица, кровь с молоком, – весело говорит Марк. – Хочешь, со шпагой обращаться научу?

Она улыбается, кивает.

Шпага тяжёлая. Она тянет руку вниз, Июля не понимает, как это Марк так легко размахивает ей, наносит удары невидимому сопернику, срезает ветки и кусты.

– Вот так, вот так держи, – показывает Марк, обнимает её, придерживает шпагу.

Июля вся горит. Ей хорошо.

* * *

Июля вспоминает поцелуй Марка, вспоминает его прохладные руки, его упругое тело. Июля боится, что мама догадается. Июля идёт в своё тайное место на другом краю маленького леса.

Здесь овраг. Он порос кустами, и только Июля знает, что через эти колючие заросли можно пройти и спрятаться на крошечном пятчке травы на самом дне оврага. Она сидит, поджав ноги, ей хорошо, ей сладко от воспоминаний и страшно.

Она чувствует чьё-то присутствие. Она оборачивается. Среди кустов стоит зверь. У него огромная голова, поросшая густой шерстью, короткая тупая морда, маленькие чёрные глазки. Загрибок возвышается над головой, такую шею ничем не сломаешь. У него тяжёлые лапы с огромными когтями. Он медленно подходит.

Июле страшно, но она старается не показать своего страха. Зверь горячо дышит ей прямо в ухо. Июля протягивает руку, гладит зверя. Тот утробно ворчит. Июля убирает руку. Зверь смотрит на неё, разворачивается и уходит, каким-то образом неслышно пробираясь между кустов.

Июля поджимает колени к подбородку. Её платье испачкано.

5. Безвременье

Деревянный зверь бежит по шарiku. Он месит лапами пустыни, он протаптывает тропы в горах, он переплывает моря.

На холме деревянный зверь останавливается и смотрит вниз. А потом он начинает лаять, страшно, хрипло, с подвываниями. И на зов деревянного зверя стекается его войско. Из-под земли вылезают кроты, уродливые деревья ползут, цепляясь корнями за почву, коршуны кружат на фоне белого лунного диска, медведи проламывают заросли своими необъятными тушами.

Деревянный зверь оказывается в центре круга, он ревет и лает, скулит и брызжет слюной.

Демиург с удовлетворением смотрит на деревянного зверя. Кажется, он удался даже лучше, чем глиняный.

Демиург потирает узкие ладони, его чёрные глаза превращаются в щёлочки.

6. День

Сегодня обед удаётся Июле как никогда. Она готова сама тут же съесть ароматную картошку с пряностями, грибную подливу, свежесорванные влажные помидоры. Марк должен приехать с минуты на минуту, дети уже ждут его во дворе.

Однажды он уехал. Когда мать узнала, что Июля на сносях, она сказала: «Что ж, ты сама выбрала свою судьбу». А в день, когда родился Гриха, дверь затряслась от стука. Марк не смог забыть деревенскую девочку, с которой его свела судьба.

Грихе уже почти шестнадцать. Он хочет жениться на соседской Майе, но Июля уверена, что это пройдёт.

Марк въезжает во двор, по-прежнему красивый, сильный. На его щеках и на лбу появились жёсткие складки. Он соскакивает с лошади и обнимает Каму. Кама запрыгивает к нему на руки, обвивает его ногами. Он кружит Каму, девочка смеётся. Гриха смотрит на детские игры свысока. «Здравствуй, отец», – говорит он. Гриха до сих пор не понимает, почему Марк не увёз Июлю, а остался в её деревеньке. Теперь в деревеньку приезжают богато одетые господа, чтобы заказать шпагу лучшему оружейнику в провинции.

Июля выходит на крыльцо. Марк улыбается, целует её. Вкладывает в её руку какой-то свёрток.

Июля любит подарки, и Марк никогда не возвращается из города с пустыми руками.

– Обед готов, – говорит она шёпотом.

– Ты шепчешь, чтобы дети не узнали? – шутит Марк.

Июля говорит:

– Дети! Мыть руки и за стол!

Кама бежит в дом.

Гриха идёт за ней. Он ещё не знает, что через неделю, на его шестнадцатилетие, отец подарит ему свой лучший клинок. И будет учить мастерству серьёзно. Гриха перестанет подавать инструменты, таскать воду и раздувать меха. Гриха будет ковать клинки. Марк рассказал об этом Июле, и она рада.

Они сидят за столом. Июля хлопочет, носит еду, ставит на стол, накладывает на тарелки. Кама хрустит огурцом. Гриха уныло жуёт картофелину.

– В городе нынче беспокойно, – говорит Марк. – Ремесленники волнуются, народ нищает, управитель заперся в замке и думает, как утихомирить людей.

– Это было всегда, кажется, – отвечает Июля.

– Сейчас особенно. Если управитель не предпримет серьёзных мер, он поплатится головой.

– Тебе жалко его голову?

Марк усмехается.

– Не очень. Но как бы до нас волна не докатилась.

– Какая волна?

– Будут набирать рекрутов.

Марк смотрит на Гриху. В сердце Июли появляется иголка.

* * *

Июля никогда не молилась. Она видела, как это делает мать, но сама – никогда. Теперь поздно начинать. Поэтому Июля идёт к опушке леса. Дуб, старый родной дуб, почти засох за год. С тех пор как в него ударила молния, он чахнет и чахнет. Его корни всё дальше выбираются из-под земли, кора отваливается целыми пластами.

Июля прижимается к умирающему дереву.

– Дерево-дерево, – шепчет Июля. – Помоги мне, дуб, что мне делать, милый мой, что мне делать?

Дуб молчит. Он пахнет сухостью, приятно, согревающе.

Что-то прохладное тычется в её руку. Она проводит рукой по шерсти и понимает, что это зверь. Она не может понять, что это за зверь: в темноте виден лишь смутный силуэт. Она не видит ни высокого мощного загривка, ни узкой длинной морды. Она чувствует влажный нос, садится на корточки и прижимается к нему лицом.

– Зверь, помоги мне, зверь, помоги, пожалуйста, – шепчет она.

Зверь лижет её лицо шершавым языком.

7. Безвременье

Демиург потирает ладони. Звери уже почти нашли друг друга. Они бегут по шарiku один навстречу другому, они петляют, они пересекают ущелья и горные цепи, они переплывают океаны, и за каждым ползёт, плывёт, летит, бежит, скачет, прыгает войско.

Демиург знает место встречи. Глиняный зверь нашёл его раньше, чем деревянный, но и деревянный зверь уже почти добрался.

Когда они сойдутся – две стихии, две мощи, две пешки на огромном игровом столе, – они будут драться. Они будут кусать друг друга, рвать друг друга на куски когтями и зубами, давить друг друга. И за каждым будут стоять волки, крысы, совы, коршуны, змеи, рыси, камни, деревья и травы, ручьи и ветра.

И когда один победит, второй упадёт на землю – обгоревшими деревяшками или пыльными кусками сухой глины.

8. День

Старуха что-то пережёвывает оставшимися зубами. Она вертит в пальцах вязание, но пальцы слушаются плохо, и она часто возвращается назад, чтобы что-то переделать. Ей холодно, хотя камин горит ярко, и на плечи её накинута шерстяная шаль. Впрочем, ей всегда холодно.

В комнату вбегает девочка.

– Бабушка, бабушка, расскажи мне сказку.

Старуха приходится ей прабабкой, но бабушкой называть проще.

Та улыбается беззубым ртом.

– Ну, садись, садись, милая...

Девочка подтягивает к креслу старухи маленький стульчик из угла комнаты, садится.

– Про что тебе рассказать, милая?

– Про что хочешь, только новую!

Старуха шамкает губами.

– Когда-то я была маленькой девочкой, как ты теперь, – начинает она. – Я вот так же бегала по дому, по лесу. Засохший дуб тогда был ещё живым.

– Живым... – повторяет девочка.

– Да, живым. И однажды я встретила в лесу зверя. Это был странный зверь, таких зверей больше не было и нет. Он был сделан из глины.

– Из глины? – удивляется девочка.

– Да, из глины.

– Он был страшный?

– Нет, милая, он был добрый. Я погладила его, и он ушёл.

– Куда?

– Не знаю, милая. Ушёл, и всё. Прошло много лет, и я встретила в том же лесу другого зверя. Он был сделан из дерева. Он тоже оказался добрым, хотя выглядел очень страшно. Я погладила его, и он тоже ушёл.

– А что дальше?

– Потом я ещё раз видела зверя. Я не знаю, что это был за зверь – то ли глиняный, то ли деревянный. Но звери эти – волшебные. Если однажды ты встретишь кого-то из них, не бойся, а попроси о чём-нибудь. Только это должно быть самое сокровенное желание.

– А ты о чём просила?

– У первого зверя я попросила просто, чтобы всё у нас в доме всегда было хорошо. Так оно и стало. У второго я попросила, чтобы всё было хорошо у меня, чтобы муж у меня был добрый и любящий. Так и получилось. А у третьего я попросила счастья для сына своего, то есть для твоего дедушки Грихи. И он тоже всю жизнь хорошо прожил.

– И поэтому у нас всегда счастье в доме?

– Поэтому, верно. Но только одного я боюсь: что когда-нибудь вернутся эти звери – и не исполнят желания снова, а платы потребуют.

– Какой?

– Не знаю, милая, не знаю. Главное – не бойся их. И всё у тебя будет хорошо.

* * *

Поздно вечером девочка выбирается из своей кровати и выходит из дома. Она бежит к опушке леса, к сухому дубу, потому что она хочет встретить волшебного зверя и попросить у него счастья. Она ещё не знает для кого. Может, для себя. Может, для мамы. Может, для прабабушки.

У дуба тихо. Стрекогут кузнечики.

Девочка шёпотом зовёт:

– Зверь, где ты, зверь?

Она чувствует тёплое дыхание. Она гладит шерстяную морду, нащупывает острые уши.

– Это правда ты? – спрашивает она.

Зверь не отвечает. Он горячо дышит. В его чёрных глазах отражается луна.

Девочка гладит зверя. И не решается ничего попросить.

9. Безвременье

Светает. Деревянный зверь входит в лес с солнечной стороны. Глиняный зверь – с теневой. Они движутся по лесу быстро, как тени. Они бегут навстречу друг другу, они чувствуют: вот этот миг, он рядом.

Они выбегают на широкую поляну и сталкиваются.

Они сцепляются когтями и зубами, они рвут друг друга. Демиург доволен. Игра удаётся. Ему интересно, кто одержит победу.

Деревянный зверь сильнее: он подминает глиняного под себя, пытается придушить того своей тушей. Глиняный – более быстрый и ловкий, он вертит узкой мордой, бока деревянного уже искусаны и сверкают множеством мелких ран.

Демиург распаляется. Он взмахивает руками, и коршун набрасывается на сову, волк – на гиену, ласка – на бобра, войска сталкиваются как две стены, бьются до крови, до смерти.

Два зверя кромсают друг друга лапами и зубами, хлещут хвостами, рычат, брызгают слюной, лают, воют.

Наконец глиняный зверь исхитряется вцепиться деревянному в глотку. Он выдирает кровавые куски мяса, и умирающий гигант опрокидывается. Он падает на соперника, круша тому рёбра, вонзая их в тело. Из пасти глиняного зверя течёт кровь.

Они успокаиваются друг на друге. Шерсть опадает, кровь высыхает, и на поле боя – только куски дерева и обломки глины.

Демиург доволен.

10. День

Светаёт. Девушка идёт по лесу. У неё длинные светлые волосы до пояса, на ней надет вышитый сарафан. Она красива и светла. Она проводит рукой по кустам, и на кустах распускаются цветы. Она дотрагивается до коры дерева, и на коре появляются почки.

Её зовут Июля, в честь прабабушки. Прабабушка умерла, но Июля никогда не забудет чудесных историй, которые рассказывала старая мудрая женщина.

Девушка проходит мимо высохшего дуба. Она идёт к поляне.

Июля чувствует, что сегодня – необычный день. Сегодня должно что-то произойти.

Она выходит на поляну. Тут солнечно и светло. Она разводит руки, точно пытается обнять воздух и высокое яркое солнце. Однажды она встретила в этом лесу зверя. И ничего у него не попросила.

Звери появляются с двух сторон одновременно. Они летят друг на друга, они вот-вот сомнут Июлю, сотрут её, не заметят.

Но они останавливаются. Они ненавидят друг друга. Они подходят ближе, оба скалятся, злобно рычат, их чёрные глаза сверкают.

Июля протягивает руки и кладёт их на звериные морды. Она гладит обоих, а за их спинами совы и коршуны, медведи и волки, рыси и змеи ждут сигнала.

Июля садится на корточки и притягивает к себе тяжёлые головы. Звери почти соприкасаются носами, а Июля гладит их, чешет одного и второго за ухом, шепчет добрые слова. Глиняный зверь ложится. Его морда на коленях у девушки. За ним ложится и деревянный зверь. Июля поднимает голову и смотрит на солнце, прищурив глаза.

Она шепчет:

– Не ссорьтесь, звери. Не ссорьтесь. Нет счастья в ненависти. Счастье – в любви.

Демиург смотрит на девушку и ничего не может сделать.

Потому что он понимает, что существо, которое он когда-то создал из дерева и глины, – гораздо сильнее, чем он сам.

Примечание автора

Нехарактерный для меня, странный рассказ, который я написал, когда посмотрел клип группы «TequilaJazzz» на песню «Звери». Она уже много лет в моём плейлисте, и я считаю её одной из лучших песен Евгения Фёдорова. Клип тоже сильный – странный, страшный, рисованный как будто углём на бумаге (может, и в самом деле – углём?), про двух зверей, глиняного и деревянного, поставленных на земной шар сердитым демиургом.

В клипе есть и девочка, становящаяся девушкой, женщиной, старухой. Конечно, я интерпретировал её старение по-своему, слепив из экранного персонажа Июлю. Но если вы прочтёте этот рассказ и он вам понравится, найдите в Сети и посмотрите клип. Мне кажется, это придаст рассказу больший объём.

Время хорошего человека

Дилижанс появляется на горизонте. Главное событие недели – вести извне. Иногда дилижанс не доезжает: его грабят, пассажиров убивают или бросают в прерии. Это примерно одно и то же. Тогда приходится ждать дольше, так как новый дилижанс появляется не раньше чем через месяц.

Поднимается пыль. Я стою у крайнего дома и смотрю на приближающийся экипаж. Жители постепенно скапливаются. Они покидают дома с надеждой, что сегодня что-нибудь изменится. Что в каком-то из писем будут жизнеутверждающие новости. К примеру, к нам строят железную дорогу. Или нас решил посетить шериф. Впрочем, какой шериф. Ему добираться – пятьсот миль.

Джек Бонд объявился в городе семнадцать дней назад. Он приехал с востока на собственной лошади, у него с собой было полфляги воды, два кольта и неотразимая улыбка. В его глазах светилось то, чего не хватало в наших: жизнь. Он спешил, зашёл в салун и попросил пива. Пиво Бак варит сам. Хорошее пиво, не думаю, что где-нибудь ещё есть такое.

Джек Бонд сидел у стойки и провожал глазами Китти, дочку старика Картера. Картеру – за шестьдесят, а девочке – семнадцать. У неё ладная фигурка, грудь под блузкой вздымается привлекательно, волосы чёрные, ниже пояса.

То есть были. Была фигурка, были волосы.

Бонд прожил в городе три дня. А затем сел на лошадь и уехал. Ночью. И забрал с собой Китти. Она оставила Картеру записку: мол, захотела уехать сама, не желаю прозябать в этой дыре, Джек увозит меня в город. Буду писать, всё в порядке. Наивная глупышка.

Но вернусь к дилижансу. Он останавливается. Кучер сползает вниз. Это Дженги, молодой парень, решившийся на такую работу из-за неплохих, в общем, денег. Он приезжает всего в четвёртый раз, но его уже любят. Он заботлив, письма раздаёт лично, всегда спрашивает, не надо ли кому что привезти из большого города, и ведь привозит. Но сегодня он мрачен.

– Привет, Дженги! – говорит Систей.

Систей – это начальник нашей полиции. То есть единственный носитель закона в городе. Он не именуется шерифом: шериф в пятистах милях. Систей – вроде местного представителя. Ему около пятидесяти, но он подтянут и силён. Только стреляет плоховато из-за зрения. Он справедлив. Когда у жителей возникают конфликты и ссоры, они идут к Систею, и он всегда находит верное решение.

– Привет.

Дженги, подбоченясь, стоит у дилижанса.

– У меня тут невесёлый груз.

Толпа обступает его.

В городе около двухсот жителей, даже больше. Для такой дыры – достаточно. Зато у нас есть море.

Дженги забирается на крышу дилижанса и аккуратно начинает спускать большой свёрток из тряпья. Это человеческое тело, запелёнаное в тряпки и простыни. Систей и Бык принимают груз. Бык – двухметрового роста, туповатый, но очень добрый и отзывчивый. Его все любят. Он всегда помогает с тяжёлыми работами.

Тело кладут на землю. Систей разворачивает тряпки.

Это Джек Бонд. Его ещё можно узнать, хотя лицо покрыто пятнами разложения. Старик Картер поднимает голову и смотрит на Дженги. Когда Дженги начинает спускать второе тело, старик Картер падает на колени и плачет.

Берта Хоспейна поначалу никто не замечает. Они разворачивают второй свёрток, смотрят на обезображенное лицо Китти, переговариваются. Кто-то пытается успокоить Картера, гладит его по сутулым плечам. Дженги молча стоит у дилижанса.

Дверь кареты открывается, и выходит Берт Хоспейн. Я сразу его замечаю, потому что не хочу смотреть на трупы. Пока все рассматривают Китти, Берт идёт по направлению к салуну, прочь от толпы. Собственно, тут большая часть жителей города. Но у Берта другие цели. Я провожаю его взглядом, он оборачивается и обращает на меня внимание. Подходит ко мне.

– Привет. Я – Берт Хоспейн.

– Билл.

– Очень приятно.

У него столичный выговор, здесь так не говорят.

– Сколько жителей в вашем городке? – спрашивает он.

– Человек двести.

Отец учил меня читать, писать и считать. Я могу сосчитать до тысячи, умею складывать и умножать. Делить, кстати, тоже. Большая часть городка – неграмотные. Иногда меня зовут на помощь, чтобы рассчитать за что-нибудь.

– Двести первый не помешает?

Это шутка. Она сейчас неуместна, но он, видимо, не понимает ситуации. Его можно простить.

Он одет в серые брюки и сапоги с острыми носами. Пиджак – поверх клетчатой рубашки. Такое ощущение, будто он насмотрелся на ковбоев из родео (я видел родео дважды, когда мы ездили в большой город с отцом пару лет тому назад). Так ярко и вычурно тут не одеваются. Хотя чёрт его знает: может, в центре так принято. Это у нас, в глуши, одеты все непонятно во что, никто ни перед кем не выставляется. Хотя не думайте: мы тоже умеем принарядиться. На праздники всякие, на свадьбы.

– Не помешает, думаю. Хотя сейчас не время, – киваю на толпу и мертвецов.

– Это кто-то из жителей?

Он мгновенно мрачнеет.

Киваю.

– Дочь старика?

Снова киваю.

– Ну, извини, не знал.

Пожимаю плечами. В общем, он ничего не сделал. Мне она, конечно, нравилась, как все девчонки нравятся парням в моём возрасте. Но в целом мне её смерть безразлична. Все когда-нибудь скопытимся.

– Тут у кого остановиться можно? – спрашивает он.

Можно у Бака. Можно у Дылды. Можно у Роджерсов. В общем, много у кого можно.

– Вон, – показываю, – Роджерсы стоят. У них спросите.

– Спасибо.

Он идёт к чете Роджерсов. Они благонравные, лет пятидесяти, спокойные. Они постоянно ждут писем от своих детей (все трое давно уехали покорять мир), порой их даже получают, но к дилижансу подходят последними, чтобы не усугублять толкотню. Они разговаривают.

На самом деле, это довольно сложно – создавать видимость безразличия. Мне страшно интересно, что он за человек. Что ему понадобилось в нашей дыре. Как он будет тут жить и чем заниматься.

Старик Картер лежит лицом вниз и бьёт кулаком по земле. Дженги достаёт письма и передачи. Жизнь идёт своим чередом.

Джек Бонд за два дня своего пребывания в городе успел организовать местечковые соревнования по стрельбе. Мишень склотили из досок, намалевав на них красный круг с белым пятном посередине. То есть сделали несколько таких мишеней, конечно. Одну-единственную пули расколошматили бы в минуту.

Бонд взялся быть судьёй и обещал обучить стрельбе мальчишек. Он очень красиво доставал револьвер, крутил его на пальце, а потом стрелял от бедра, не целясь, и всегда попадал в белое пятно, пусть и не в самый его центр. Он сказал, что принимать участие в соревнованиях не будет, поскольку так нечестно.

Соревноваться пришли все, у кого было хоть какое-то оружие. Старик Картер принёс огромное ружьё, переделанное из охотничьего в боевое. Его засмеяли. Эта штукавина не имела даже прицела, а два ствола были такого калибра, что можно положить слона. Картер целился быстро. Он вскидывал ружьё (и откуда только силы у старика?) и нажимал на спуск.

Картер не промахнулся ни разу. Его удивительная ручная мортира в умелых руках оказалась точнее новенького кольта Дылды (ему как раз привезли из большого города) и проверенного годами смит-вессона Систея.

Джек Бонд вручал Картеру приз (ящик пива от Бака и отличный нож от самого Бонда) с видимым уважением. Китти смотрела на отца и на Бонда с восторгом. Она уже знала, что завтра уезжает со своим героем. Но она мысленно клялась писать отцу, я уверен. Вряд ли она бросила бы его навсегда и никогда бы не вспоминала.

Каждый день я вижу Берта Хоспейна. Он хорошо вписался в городок. В какой-то мере он своим появлением облегчил старику Картеру утрату Китти. Каждый день они играют в карты на крыльце дома Роджерсов. Билл Роджерс иногда присоединяется к ним, но всё-таки большую часть времени проводит на огороде.

В какой-то момент я иду мимо забора вдовы Бранк и вижу Берта, развешивающего бельё. Я останавливаюсь и смотрю на него.

– Привет! – он широко улыбается.

– Привет. Это не мужская работа.

Берт качает головой.

– Нет работы, которая была бы «женской» или «мужской». Запомни это. Если мужчина способен помочь женщине развесить бельё или вымыть посуду, он не перестаёт быть мужчиной. Зато он становится галантным и вежливым мужчиной.

– Да вдове Бранк ваша галантность уже ни к чему.

Ей, кажется, девяносто лет. Её дочь умерла, но внуки поддерживают её.

– Но помощь-то ей нужна. Она сама постирать любит, а вот повесить уже не может, потому что позвоночник старый. Мне-то помочь нетрудно.

Это эпизод, очень хорошо характеризующий Берта Хоспейна. Я постоянно замечаю его, помогающего тому или иному человеку. Вот он вырезает игрушечную лодку для сына Джета Филлза. У Филлза нет трёх пальцев на правой руке, и он не может сделать сыну хорошую лодку. Вот Берт перекрывает крышу у Маргарет Бэнкс, и Маргарет, сорокалетняя старая дева, провожает его томными взглядами. Вот Берт первым встречает дилижанс Дженги и помогает выгружать посылки и письма. Вот он ведёт лошадей в стойло, чистит их, кормит.

Через некоторое время Берт становится неотъемлемой частью городка. Это чувствуется. Будто Берт – это какой-то очень нужный и полезный инструмент, и совершенно непонятно, как мы раньше жили без него. Даже мой отец, человек принципиальный и живущий крайне обособленно, один раз позвал Берта на помощь, когда нужно было выкорчевать огромный пенёк на окраине нашего участка. Да, я забыл сказать: у отца ферма в двадцати минутах ходьбы от города. Он очень много работает, но меня привлекает крайне редко. Он не хочет, чтобы я прожил жизнь на ферме; у него есть мечта отправить меня учиться в большой город.

Джека Бонда убили выстрелом в спину. Может, он и кичился своими достоинствами, преувеличивал их, но всё же стрелять умел неплохо. Не думаю, что кто-то победил бы его в честном поединке, хотя в своей жизни я видел всего двух ганфайтеров. Я точно помню сцену, произошедшую на рынке в большом городе. Отец прикрыл меня собой, чтобы в меня не попала шальная пуля. Ганфайтеры стояли на расстоянии примерно пятидесяти футов друг от друга. У каждого было по два револьвера – тяжёлых, длинноствольных «Дакоты», блестящих на солнце. Они смотрели один на другого, не отрывая глаз. Толпа ждала развязки. Конечно, за их спинами не было никого: ганфайтеры довольно часто промахиваются, ведь игра идёт не на точность, а на скорость.

Первым выхватил револьвер латинос в драных кожаных штанах. Его пистолеты стояли больше всей его одежды, я думаю. Но он промахнулся. Второй доставал оружие, не торопясь, вальяжно, будто издеваясь. Латинос уже четырежды нажал на спусковой крючок, когда первый и последний выстрел белого ударил его в живот. Он лежал на земле и стонал, а белый подошёл (никто не решался сделать это раньше победителя) и забрал пистолеты соперника. И растворился в толпе.

Джек Бонд был именно из такой породы. Он доставал револьвер чётко, легко, но как-то театрально, не торопясь, не дёргаясь. Он был ганфайтером до мозга костей, мне кажется. Поэтому его нельзя было убить спереди. Поэтому дыра на уровне сердца в его кожаном жилете располагалась на спине.

А вот про Китти Картер доктор Джонсон ничего не сказал. Первым он осматривал Бонда и выдал заключение через пять минут. Чистое попадание, кольт 38-го калибра, насмерть. Чтобы рассказать про Китти, он позвал к себе троих: старика Картера, Систея и Бака. Бак всегда был очень надёжным и логичным человеком, поэтому Систей часто привлекал его к решению мировых проблем.

Но был и четвёртый слушатель: я.

– Я не знаю, как это описать, – сказал Джонсон.

– Как есть, – прохрипел Картер.

И Джонсон рассказал всё как есть.

Китти Картер изнасиловали перед смертью. Она сопротивлялась, у неё были синяки на запястьях и на ногах, шишка на лбу. После изнасилования убийца задушил девушку. Но не это потрясло доктора. Изнасилования случались довольно часто в солдатской среде, где раньше работал Джонсон (до переезда в нашу глухомань он был военным медиком). Здесь же девушке надрезали вены и аккуратно сцедили кровь. Не всю: часть успела свернуться.

«Возможно, я ошибаюсь, – тихо сказал доктор. – Возможно, душили её уже после того, как сцедили кровь. У меня нет инструментов и знаний, чтобы это определить».

Старик Картер поднялся с места и спросил: «Это Бонд?»

«Нет, – ответил доктор. – Точно не Бонд. Она умерла на несколько суток позже него».

Вот так всё и было. Я не боялся. В отличие от взрослых я верю, что вампиры существуют. И мне казалось, что они в этом замешаны.

Я сижу на берегу озера. Мы называем его морем, потому что до настоящего моря нам никогда не добраться. То есть я, может, и доберусь, а вот большинство жителей городка – нет. Озеро довольно большое. Питьевую воду мы берём, конечно, из колодцев, но для стирки, например, проще пройти полчасу до озера. Оазис вокруг – небольшой, пара деревьев, и всё. Остальное – выжженная прерия.

Я слышу шаги позади. Это Берт Хоспейн. Он, как всегда, улыбаясь, в хорошем настроении. Он подходит, молча садится рядом. Протягивает мне тканевый мешочек. Это крекеры мадам Миллер. Она сама когда-то попросила называть её не «миссис», а «мадам». Мы не возражали. Мне кажется, ей это идёт. Только настоящая мадам может так жестоко держать своего муженька под каблуком.

Я зачерпываю крекеров.

– О чём думаешь?

– Ни о чём.

Это разговор взрослого с подростком: он не может быть естественным. Я не могу сказать, что меня тяготит общество Берта, но всё же одному мне лучше.

– Какие добрые дела сегодня сделали, мистер Хоспейн? – спрашиваю я, потому что мне неловко сидеть в тишине.

Он усмехается.

– Стойку с Баком подремонтировали. Баннерсу револьвер починил, там курок заедал...

Я не даю ему договорить.

– Вы умеете чинить оружие?

– Я много чего умею. Работал как-то на оружейном заводе.

– А почему у вас нет пистолета?

– Мне не нужен пистолет. У меня нет врагов.

Мне кажется, что в его голосе проскальзывает печаль. Ему грустно от того, что у него нет врагов. Это как в старом анекдоте. Едут два всадника, вдруг мимо них что-то проносится с огромной скоростью. «Это кто?» – спрашивает один. «Неуловимый Джо», – отвечает второй. «А что, его никто не может поймать?» – «Да нет, просто никто его не ловит». Так и тут. Берта никто не ловит. Неуловимый Берт.

– А стрелять вы умеете?

– Немного.

– А вы можете меня научить? Отец отказывается. Он говорит, что я с пистолетом – это конец всему городу.

Берт смеётся.

– Может, в какой-то мере он прав. Ну... – он демонстративно думает. – Наверное, я мог бы тебе помочь. Я одолжу револьвер у Баннерса, мы потренируемся немного.

Я знал, что он не откажет. Он и в самом деле никому ни в чём не отказывает, этот странный человек.

Джека Бонда похоронили на городском кладбище, будто он прожил тут всю жизнь. Старик Картер проникся к мёртвому ганфайтеру каким-то отцовским чувством, потому что тот разделил судьбу его дочери. Тем не менее цветов на могилу Джека никто не принёс, зато их принесли вдоволь на могилу Китти. Даже мой отец, человек строгий и занятой, бросил небольшой букетик, хотя я думал, что он вовсе не придёт на похороны.

Берт тогда был совсем новым человеком в городе, но я заметил, что он долго стоял у могилы Китти – даже когда все разошлись. Но самым странным оказалось другое.

Я люблю засунуть нос не в своё дело, это факт. Таким образом я и подслушал монолог доктора на вскрытии Китти. Я просто спрятался наверху и приложил ухо к щели между досками.

Я заметил, что Берт иногда ходит на кладбище – по вечерам, в темноте, когда все уже сидят по домам или отдыхают в салуне. Он отправлялся на кладбище без фонаря, будто прекрасно видел ночью. И в один такой вечер я пошёл за ним.

В целом по кладбищу несложно пробираться, особенно при яркой луне. Трава и чёткие силуэты крестов, за которые можно ухватиться, если начнёшь падать. Я шёл тихо и осторожно: фигура Берта маячила впереди. Он остановился. Я догадался, что это могила Китти. Я подошёл ближе и через некоторое время услышал плач. Берт сидел, обняв деревянный крест на могиле погибшей девушки, и рыдал. Послушав его рёв ещё несколько минут, я отправился домой.

«Быстрее!» – кричит во дворе Боб, парень с соседней фермы.

Я вылетаю из дома и бегу за ним. У него нет ни времени, ни желания объяснять, куда и зачем мы бежим. Я едва поспеваю. До города идти около двадцати минут, а бежать – вдвое меньше, зато тяжело. Впрочем, я выносливый.

Когда мы вбегаем в город, я сразу вижу: что-то не так.

Из переулка между домом Хиллари Спейн и конюшней (это общая конюшня для путников, которых тут почти не бывает, она выходит на главную улицу) столпотворение. Мы, мальчишки, легко пробираемся через толпу.

Первое, что я вижу, это широкая спина Систея. Он сидит на корточках и рассматривает то, что лежит на земле. Это тело. Белое, точно из него слили всю кровь. Я узнаю лицо: жена молочника, миссис Хайнс. Ей было около тридцати пяти, она уже начинала заметно полнеть. Но теперь её тело выглядит худым, опавшим. Напротив меня – доктор Джонсон. Он едва заметно кивает шерифу, и тот накрывает тело простыней.

«Это он», – слышен хриплый мужской голос. Говорит старик Картер. Шериф свирепо смотрит на Картера, и тот всё понимает.

Все эти детали подмечаю только я, потому что я, что называется, в курсе дела. Шериф прав. Не стоит людям знать о том, что среди них бродит вампир.

Неожиданная догадка проскальзывает в моём мозгу. Детали постепенно складываются в одно целое. Берт Хоспейн, появившийся одновременно с трупом девушки. Он же, рыдающий на её могиле. Многого не хватает для полноты картины. Но, конечно, я не могу рассказать об этом даже Систею. Он попросту мне не поверит.

Когда мне было восемь лет, отец дал мне почитать книжку о вампирах. Это были рисованные истории в мягком переплёте. Точно такие я уже читал – про Джесси Джеймса. В то время как мои сверстники восторгались героическими приключениями и ограблениями, совершёнными легендарным бандитом, я листал книжку про вампиров и думал, каково это – никогда больше не увидеть рассвета, зато обрести вечную жизнь. Конечно, в том восторженном возрасте рассвет был гораздо притягательнее, чем любая вечность. Сама жизнь казалась вечностью.

Теперь, пять лет спустя, я несколько изменился. Я видел смерть своими глазами и стал понимать, что это – навсегда. Если человек уедет в большой город, или даже в другой штат, или в другую страну, он может ещё вернуться. Вы можете встретиться с ним в каком-нибудь другом месте, например. Но если человек умирает, его не будет больше никогда. Совсем никогда. Мне нравилось смаковать это понятие. Я вертел его на языке, как леденец, и мне становилось действительно страшно, что я тоже когда-нибудь умру. Именно ради этого чувства дрожи во всём теле и чего-то тяжёлого на душе я и думал о смерти. Впрочем, такая забава приелась со временем.

Гипотеза о том, что Берт Хоспейн – вампир, не годилась по многим причинам. Во-первых, он совершенно нормально относился к солнечному свету. Во-вторых, в салуне у Бака он ел запеканку с чесночным соусом, и ему не было плохо или больно. У него на пальце было небольшое колечко, по виду серебряное (хотя проверить это не представлялось возможности).

С другой стороны, всё было слишком подозрительно.

И тогда я решился на шаг, на который никогда бы не решился взрослый.

Берт Хоспейн дома: его силуэт только что промелькнул в окне.

– Я к мистеру Хоспейну, – говорю я, и миссис Роджерс пропускает меня внутрь.

Я поднимаюсь на второй этаж и стучу в дверь.

С собой у меня – только моя собственная решимость и ничего более.

Берт открывает дверь. Он бледен. У него под глазами круги.

– Мистер Хоспейн, мне нужно с вами поговорить.

Мне кажется, он прекрасно всё понимает. Но я не боюсь его. Потому что я уверен, что он не причинит мне вреда.

Я прохожу и сажусь на кушетку. Он стоит у окна спиной ко мне.

– Вы вампир, мистер Хоспейн?

Он молчит, глядя в окно. По сути, всё уже понятно, осталось только выбрать правильную развязку.

Он оборачивается, и на его щеках я вижу потёки от слёз. Он садится на стул тяжело, падает, точно мешок с мукой.

– Не бойся меня, – говорит он. – Я не причиню тебе зла. Я вообще никому не причиню зла. Я не хочу. Просто иногда он просыпается во мне. Раз в полгода примерно. Иногда – чуть чаще. В большом городе он проснулся в неудачный момент. Мне пришлось уехать. Я думал, что смогу его задушить. Но не получается.

Он говорит это монотонно, точно заученный текст.

– Кто?

– Я не знаю. Тот, кто заставляет меня делать это. Но я не могу жить без этого.

Я встаю.

– Уезжайте из города, мистер Хоспейн. Я никому не скажу. Вы хороший человек. Нам очень нужны такие люди. Но вам лучше уехать.

Он кивает.

Миссис Хайнс хоронили на закате. Хоспейн дольше всех стоял у её могилы. Это было ещё до нашего разговора.

Я уже тогда планировал этот диалог. Почему-то мне казалось, что я ничем не рискую. Когда дети ловят всяких злых и сказочных существ на тёмных чердаках и в заброшенных карьерах, они мечтают в первую очередь о сражении. Они мечтают уничтожить зло и принести его отрезанную голову на блюде в город, чтобы все знали об их героическом поступке.

Я ни в коем случае не хотел причинять зло Берту. Я как-то сразу понял, что он и тот, кто живёт в нём, – это два разных существа. И Берт сражается с ним и старается заплатить людям вокруг него за причинённое зло. Я думал тогда, что Берт уедет из города, а я через много лет стану рассказывать внукам, что знал настоящего вампира и он был добрым.

Но всё вышло иначе.

– Поймали! – орут на улице.

Мы с Бобом выскакиваем из дома как ошпаренные (мы читали новую книгу, которую тётушка Боба, жившая в большом городе, прислала с очередным дилижансом). Боб, конечно же, хочет посмотреть на преступника. Посмотреть, как того будут вешать, например, хотя кого поймали – пока непонятно. Я же – боюсь за Берта Хоспейна. Он должен был уехать вчера, но задержался, чтобы отремонтировать забор миссис Харгривз.

По улице идёт толпа. Они ведут человека: он избит и грязен, и я узнаю в нём Дылду. Дылда живёт в городе около двух лет, поэтому до сих пор считается человеком новым, пришлым. У него есть револьвер. Я не знаю его настоящего имени. Кличку «Дылда» ему дал старик Картер в первый же день после появления того в городе, и это словцо приклеилось насмерть.

Ноги Дылды волокутся по земле: он гораздо выше тянущих его людей.

Я хватаю за рукав Джонни Монка, своего сверстника, идущего вместе с толпой.

– Что тут?

– Убийцу поймали. Который молочницу убил. И Китти.

– А как догадались? – спрашиваю я.

– У него револьвер точно такой, из которого Бонда пристрелили. И вещицы Китти дома нашлись.

Дылда был влюблён в Китти. Этого почти никто не знает, но я уже говорил, что люблю засунуть нос не в своё дело. Я видел, как он тайком приносил ей подарки и оказывал мелкие знаки внимания. Она принимала их как должное, но близко не подпускала.

Это свидетельство против Дылды, на самом-то деле. Они скажут, что он убил её из ревности. Дылда частенько уезжает из города на охоту, вряд ли у него есть алиби на то время.

Я бегу вместе с толпой.

У нас в городе есть несколько деревьев. Самое большое – на отшибе, минутах в десяти ходьбы от границы города. Я понимаю, что Дылду волокут туда.

Впереди широкими шагами идёт Систей. Он возглавляет закон в городе, значит, он должен принять решение о казни убийцы. Собственно, оно уже принято.

Я оглядываюсь: Берта Хоспейна не видно. Может, он уже уехал?

Я не подумал о таком раскладе. Берт уезжает, а Систей находит ложного преступника. И погибает невинный человек. Но я не могу крикнуть, что всё знаю. Потому что мне никто не поверит.

Дылду бросают под деревом. Он силится встать, но он избит, и это непросто. Его руки связаны за спиной. Кто-то подводит лошадь.

Суд очень скор. Пока Дылду сажают на лошадь, пока надевают ему на шею петлю, а другой конец верёвки укрепляют на дереве, Систей оглашает приговор. Ветер дует в другую сторону, свистит, я не слышу половины слов.

– За убийство... Кэтрин Картер... супруга достопочтенного... Уиллис... – и ещё какие-то слова.

Уиллис – это, наверное, фамилия Дылды. Ирония судьбы: узнать фамилию человека за несколько мгновений до его смерти.

Верёвка натягивается, с секунды на секунду лошадь пришпорят.

Я думаю, что Берт Хоспейн хотел уйти картинно. Он не мог себе позволить просто исчезнуть. Подсознательно он хотел, чтобы всё произошло так, как произошло.

Когда верёвка натягивается, раздаётся выстрел. Все оборачиваются, и я тоже. Конец верёвки болтается в воздухе. Дылда падает лицом вперёд.

Берт Хоспейн сидит на лошади, и в руке у него – револьвер. Это кольт 38-го калибра. По бокам седла – сумки, на голове – широкополая шляпа. Лошадь – из конюшни Роджерсов. Вряд ли он украл её. Скорее всего, они разрешили забрать животное за всё хорошее, что он сделал для них и для города.

– Дылда никого не убивал, – говорит Берт Хоспейн.

Толпа начинает роптать, к Берту проталкивается Систей.

– А кто убил? – кричит он. – Кто?

Я смотрю на Хоспейна во все глаза. В какой-то момент я встречаюсь с ним взглядом.

– Я убил, – говорит Хоспейн и трогается с места.

Это красивая картина.

Он едет через толпу, молча, высокий, статный, в широкополой шляпе, с револьверами на поясе. Он едет медленно, и толпа расступается перед ним, перед этим хорошим человеком, никогда ни в чём не отказывавшим, принесшим в город свет и доброту. Он едет через толпу, и все молчат и просто провожают его взглядами.

Так он и едет, и удаляется, и спина его становится меньше и меньше.

Так он и едет вплоть до тех пор, пока старик Картер не вскидывает своё древнее ружьё и не всаживает ему в спину заряд свинца.

Примечание автора

Когда этот рассказ озвучили в проекте «Модель для сборки», посыпались негодования от слушателей: где сюжет? почему всё так просто? слита концовка! Для меня это было в какой-то мере удивительно, поскольку концовка получилась именно такой, какой я её и задумывал.

мывал. Никакой интриги рассказ не подразумевает, читатель должен понимать всё с самого начала и к логическому концу прийти задолго до меня, автора.

Потому что основное назначение «Бремени...» – это продемонстрировать стилистические возможности использования настоящего времени. Показать, что оно способно не только придавать рассказу динамичность, как полагают многие, но, напротив, растягивать его, размывать по тарелке, если мне будет позволено так выразиться.

А завершить всё можно быстро, буквально одной фразой. Что и я сделал.

Тихие игры

1

Больно, чёрт меня дери. Встаю, отряхиваюсь. Оглядываюсь на забор. Сволочь ржавая, подогнулся, пошёл вниз, ни черта красиво не получилось. Бочонок ржёт, перегибаясь пополам. У меня вся задница – сплошной синяк, а он ржёт, падла, камеру чуть на землю не роняет. Киря поумнее будет, улыбается, но спрашивает:

– Живой?

– Живой, куда денусь, – отвечаю.

Переступаю через поваленную часть сетки. Двигаться больно. Иду к Бочонку.

– Чего ржёшь? – ору.

Бочонок прекращает смеяться, испуганно прижимает к себе камеру.

– Ты снял это или нет? Я что, зря жопу об асфальт долбанул? – ору ещё громче, прямо ему в лицо.

– Снял, снял, – он тычет в камеру пальцем-сосиской.

Беру у него камеру, включаю воспроизведение, смотрю в объектив. Получилось не так и плохо. Вполне естественно. Вот парень в джинсах забирается на забор, тот прогибается, проваливается, парень падает на асфальт, хватается за ушибленное место. Ага, вот тут Бочонок уже засмеялся, камера снимает асфальт. Всё, выключил камеру.

– Пойдёт, – говорю снисходительно.

Впрочем, даже неплохо, что забор упал. Получился прямо какой-то спецэффект.

Милка круглит глазищи на меня. Никакого сочувствия. Будто-это-так-и-надо.

– Пошли. Следующий кадр, – говорю.

Переползаем через сетку: я, Киря, Милка, Бочонок и Алёна. Гаврика сегодня нет: он барыжит какую-то тачку, битую десяток раз. Зная Гаврика, уверен, что получится.

Гаврик – самый старший. Ему двадцать один. Самый младший – Бочонок, ему четырнадцать. Но он отличный оператор, ничего не скажешь.

– Вот лестница.

– Снимаю снизу, – говорит Бочонок.

– О'кей.

– Смотри не навернись, – предупреждает Киря.

У него в руках две дощечки, выкрашенные в чёрный цвет, с белыми полосками. Сам сделал. Похожи на настоящую штуку для киносъёмок, как она там называется. Он щёлкает. Я запрыгиваю, цепляюсь руками за нижнюю площадку лестницы, подтягиваюсь, забираюсь.

– Блин, задницей всё закрыл! – вопит Бочонок. – Но беги, продолжай! – добавляет.

Бегу по лестнице вверх, цепляюсь за металлические перегородки, разворачиваюсь, бегу быстрее.

– Стоп! – кричит Киря.

Останавливаюсь, выглядываю из-за поручней.

Бочонок просматривает реплей. Сейчас начнётся самое сложное. Нужно будет запихнуть Бочонка на лестницу. Блин, кто проектировал эти пожарки?

Спускаюсь до нижней площадки. Бочонок говорит:

– Лестницу давай.

Оглядываюсь. Я не подумал. За моей спиной опускающаяся до земли лестница. Но она на замке.

– Замок, – говорю я.

– Держи, – отзывается Алёна.

Это не девушка. Это скала. Она офигительно красивая. Рыжая, и лицо тонкое, будто у какой графини средневековой, нос с горбинкой, губы узкие. Женственная, сильная. И характер – ничем не пробьешь: сказала – как отрезала. И всегда знает, чего хочет.

У неё в руках обломок трубы, вроде монтировки. Она бросает его мне, я легко ловлю.

– Спасибо.

Двумя ударами сбиваю замок. Высвобождаю лестницу. Она с грохотом съезжает вниз.

– Во! – удовлетворённо произносит Бочонок, ползёт вверх, бережно сжимая камеру.

Я принимаю камеру, помогаю ему залезть. Он забирает прибор обратно, пыхтит, поднимается дальше. На лестницу запрыгивает Алёна. Я подаю ей руку. Она стреляет глазами, но не отказывается от помощи. Проходит мимо, я вдыхаю её запах.

За ней идёт Милка. Её взгляд, как всегда, пуст. Последним забирается Кирия. Бочонок кричит сверху:

– Всем стоять! Рэд, пошёл!

Мне нравится, когда меня зовут Рэд. Да, на самом деле я Тимур, но Рэд – это стильно. Хотя я и не рыжий. Но зато я – Рэдрик Шухарт.

Я стартую. Бегу вверх точно так же, как несколько минут назад. Проношусь мимо Бочонка, который вжался в парапет тремя уровнями выше. Ещё пара этажей – и я наверху. Запыхался, не так-то это и просто.

Бочонок поднимается следом, выходит на крышу.

– Иди к лестнице, спустись на пролёт, беги вверх, потом – к месту прыжка.

Делаю то, что он сказал. Ребята ещё далеко внизу, что-то они застряли.

Выскакиваю на крышу, Бочонок снимает. Бегу к пролёту.

– Стой! – командует Бочонок. – Отойди, планы для монтажа возьму.

Он снимает крышу, ходит кругами, пригибается. Снимает сверху улочку, через которую я буду прыгать.

На крыше появляется Алёна, за ней остальные.

– Ну как? – спрашивает Кирия.

– Нормально.

Кирия снимает рюкзак, достаёт верёвку.

– Точно страховать не нужно?

– На той стороне подстрахуй, чтобы поймать, если что.

Бочонок суетится, меняет кассету.

– Сегодня доснимем? – спрашивает он.

– Вряд ли, – говорит Кирия. – Последнюю сцену долго снимать. Может, и завтра не закончим.

– Но так мало осталось!.. – мечтательно произносит Милка.

Она у нас играет красавиц. Неделю назад снимали в баре, который принадлежит другу Гаврика. Этот бар выполнял у нас функцию «Боржча». Бармен изображал сам себя, с лёгкостью включился в процесс. Посетители тоже подыграли. Милка играет проститутку, с которой флиртует Рэд и другие сталкеры. Проститутку мы сделали из дочери Стервятника. По-моему, так правдоподобнее. Впрочем, Стругацкие этого не увидят, да и не мне судить. Сценарий почти весь писал Кирия, мы с Бочонком только подправили. И Алёна немножко тоже.

Бочонок вырезал всё то, чего не мог снять. Алёна – сцену любви. Блин, я бы не отказался.

Я удалил большую часть диалогов. Ну его нафиг, пусть будет динамика.

Действие мы перенесли в город. То есть это зона, но в городе всё равно – ангары, цеха какие-то.

Я презрительно смотрю на Милку. Она ведь не играет уже в этих сценах – чего за нами шляется?

Кирия на другой стороне, перешёл по сходням.

– Отвали! – кричит Бочонок. – Не лезь в кадр!

Он пристраивается с камерой у самого края крыши.

– Есть ракурс. Пошёл.

Алёна смотрит с интересом.

Мы уже репетировали этот прыжок. Я не ямакаси, но перепрыгнуть смогу, тут немного, да и соседняя крыша недалеко.

Беру разгон. Чёрт, детские игры. Перепрыгнуть через проём на высоте восьми этажей. Приземлиться, перекатиться, побежать дальше. Не споткнуться. Не бояться. Не бояться. Не бояться.

Страшно. На репетиции не было страшно.

Бегу, пропасть ближе и ближе. Отталкиваюсь. Очень боюсь, что нога сорвётся. Взмаываю в воздух, подо мной проносится улица, проносится с огромной скоростью. Чётко приземляюсь, но перекатываюсь неудачно, шея болит. Вскидываю, бегу дальше.

– Зачёт! – тонко кричит Бочонок.

Самое худшее, что в любом случае нужен ещё один дубль. Бочонок аккуратно, держась за парапет, переходит по сходням к нам с Кирием. За ним идут Милка и Алёна.

Я прохожу мимо Алёны, смотрю ей в глаза. Никогда не пойму, почему я ей безразличен.

Снова становлюсь на ту же точку. Бочонок пристраивается напротив, снимает с другого ракурса. Разгоняюсь. В этот раз всё легко. Мне не страшно. Взмаываю в воздух, перепрыгиваю, перекатываюсь.

– Снято, – говорит Бочонок.

Кирия аплодирует, Милка тоже. Алёна улыбается.

– Всё, – говорит Кирия. – На сегодня закончили. Завтра павильон. Если получится – завтра доделаем.

– Смонтировать успеем? – спрашивает Бочонок.

– А то ж! – говорит Кирия. – Ты беготню, я – базары. И всё. До двенадцати справимся.

– Ма опять ругаться будет.

– С твоей Ма я уже говорил.

– Ты ей не авторитет.

Уж конечно. Кирия восемнадцать. Какой он авторитет. Я улыбаюсь. У Бочонка хорошая мама. Она даже смотрела несколько эпизодов из фильма. Мать, которая поддерживает хобби сына, – это очень хорошая мать. Моя мама не знает, что я бегаю по крышам.

По сходням возвращаемся на первую крышу. Идём к лестнице.

– Куда сейчас? – спрашиваю.

– Ко мне, монтировать, – говорит Кирия. – Кто с нами?

Качаю головой. Я – играю. Я – Рэд. Меня мало интересует процесс монтажа и ругань Бочонка и Кири.

– Я с вами, – говорил Милка. Она готова присоединиться к любой компании, лишь бы не оставаться одной. Милка красивая, но её никто не любит, потому что она тупая.

– Не-а, – говорит Алёна.

Мы спускаемся. Я первый и не вижу, кто за мной.

Съезжаю вниз по выдвижной лестнице, смотрю, кого нужно принимать. Бочонок медленно ползёт за мной, прижимая к себе камеру. Беру камеру, помогаю ему слезть. За Бочонком – Милка, принимаю её за талию, опускаю на землю. Милка смотрит на меня влюблёнными глазами. Алёна спрыгивает сама с середины лестницы, приземляется изящно, по-кошачьи. Смотрит с усмешкой.

Идём по улице.

– Завтра у цеха, в полдень, – говорит Кирия.

Цех – это на окраине. Там всё отлично подходит для финальной сцены. Я спрыгиваю в люк и сталкиваюсь со сталкером Миледи. Это Алёна. Миледи тоже стремится к Золотому Шару. У нас там какой-то дурацкий диалог, кажется, я ещё не читал, сегодня надо ознакомиться. А может, и нет никакого диалога: всё равно половину фраз от балды говорю, просто примерно по сценарию. А потом она как бы чуть не погибает, а я её спасаю. И мы вместе идём к шару. Такой вот хэппи-энд. Ну да, мы отклонились от сюжета. Но в фильме должна быть любовь, иначе не пойдёт. Собственно, там и планировалась любовная сцена, от которой отказалась Алёна.

– О'кей, – говорю я.

Мы выходим на широкую улицу. Машин немного, сейчас вечер, час пик уже позади. Начинает темнеть. Пасмурно, туманно.

– Мы направо, – говорит Бочонок.

Мне налево. Алёне тоже. Интересно, пойдёт ли она со мной или назло – обходным путём?

Пожимаю руку сначала Кире, потом Бочонку. Милка хочет чмокнуть меня в щёку, я отстраняюсь. Она чмокает в щёку Алёну. Алёна машет остальным рукой.

Идём вдвоём. Прохладно, свежо.

Молчим.

Хочется сказать ей многое. Хочется сказать, что я её люблю. Хочется сказать, что я хочу видеть её около себя всегда. Что она – самая прекрасная из всех девушек, которых я когда-либо видел. Хочется сказать много чего ещё.

Хочется ничего не говорить, а просто обнять её, согреться о её тело, впиться в неё, влиться. Смотреть ей в глаза, утыкаться носом в её огненные волосы.

Алёна улыбается сама себе.

– Пошли в кино сейчас, а? – глупо говорю я.

Сеанс через двадцать минут, до кинотеатра пять минут ходьбы.

– Мне надо домой, – говорит Алёна.

Я точно знаю, что ей не надо домой. Её родители уехали сейчас во Францию, к друзьям. У неё свободная квартира.

– Зачем? Родителей нет, – говорю я.

Она смотрит на меня. Прекрасно ведь понимает, что мне нужно. Прекрасно.

– Нет, Тима. Я не пойду с тобой в кино, – ненавижу эту усмешку.

Она – единственная девушка, которую хочется так сильно и которая так умеет издеваться. Сколько там от любви до ненависти?

Идём молча.

– Пока, – говорю я.

И сворачиваю в переулок. До моего дома ещё идти и идти, но я лучше сделаю крюк. Я знаю, что поступаю глупо, что нужно делать что-то другое, но я не умею и не могу. Я даже не слышу, прощается ли она со мной.

2

Утро. Подъём. Восемь часов – я не умею спать дольше. Терпеть не могу валяться в кровати.

Вскакиваю рывком, встаю на руки. Так я тренирую вестибулярный аппарат. Меня почти не кружит. Пытаюсь отжаться, стоя на голове. Пока не получается, падаю на спину, но удачно: ничего не задеваю. Вчера задел велосипед, было больно.

Велосипед занимает полкомнаты. Отодвигаю его, достаю из шкафа свежие носки. Одеваюсь.

Мама ещё спит: у неё была вчера ночная смена. Ужас: ночная смена с субботы на воскресенье.

Бреду на кухню, ставлю чайник, изготавливаю бутерброд с сыром. Пью чай.

На улице всё так же пасмурно. Это хорошо: значит, можно снимать и сцены на открытом воздухе. По замыслу в Зоне всегда пасмурно.

Блин, завтра опять на пары. Но это завтра.

Мама проснулась. Слышу движение. Надо смотаться из дому, пока не начались расспросы типа «куда ты идёшь?» или «когда ты вернёшься?». Направляюсь в комнату, надеваю потёртые вельветовые джинсы – в них я был вчера. Выкатываю велосипед в прихожую.

Из спальни выходит мама.

– Чего в такую рань? – спрашивает.

– Доброе утро, – говорю я. – Кататься.

Мама смотрит на меня, уходит в кухню.

Обуваюсь, выхожу. Мы живём на втором этаже, велосипед хороший, лёгкий, сбегаю вниз по лестнице. На улице прохладно, но через десять минут я вспотею от жары: я езжу быстро, не в прогулочном темпе.

Господи, когда асфальт переложат? Ни велосипеду проехать, ни машине.

Разгоняюсь с горки. Рядом идут автомобили. В кармане звонит мобильник. Это Киря: тоже не спится.

– Привет.

– Здоров.

– У тебя верёвка есть?

– А с твоей что?

– Я что-то ей не доверяю.

Да уж. Алёне на этой верёвке на высоте шестого этажа болтаться, а он не доверяет.

– Нет, у меня нет. Поди да купи страховочную.

– Где денег взять?

– Ну, у Гаврика стрельни.

– Мысль.

– Давай.

– Давай.

Кладу мобильник в нагрудный карман. Говорят – вредно для сердца. Но я в это не верю.

Сворачиваю, пересекаю проезжую часть, кто-то сигналит. Оглядываюсь. Урод, объехать велосипед ему трудно.

Я думаю об Алёне. Настроение сразу портится. Если бы при внешности Алёны у неё был характер Милки... Или, пожалуй, нет. В таком случае я вряд ли относился бы к ней так. Внешность – это одна из составляющих, верно.

Она меня откровенно отшила. Послала на хрен. Не знаю, даже не представляю, как поступать в такой ситуации. Добиваться дальше? Можно сделать ещё хуже. Бросить это? Сдаться? Не хочу.

По-моему, всё потеряно только тогда, когда человека больше нет. Когда он умер. В любом другом случае всегда есть шанс. Даже если она выйдет замуж. Даже если уедет в какую-нибудь Зимбабве или Конго. Даже если будет меня ненавидеть.

Нужно вести себя как-то иначе.

Моё забытие прерывается, когда велосипед врывается во что-то, раздаётся крик. Я налетел на человека. Слава богу, не на большой скорости. Это девушка. Я бросаю велосипед, подбегаю, помогаю ей подняться, извиняюсь.

– Идиот! – кричит она. – Смотреть надо, куда едешь! По дороге едь, а не по тротуару!

Не люблю, когда говорят «едь». Правильно – «езжай», меня мама приучила.

Смотрю на девушку. Крашеная блондинка, старше меня лет на пять. Последние полгода провела, похоже, в солярии. Глаза толсто подведены чёрным, белый лак на ногтях. Одета в розовый костюм, теперь изрядно помятый. На бедре – грязное пятно от падения на тротуар.

ТЬфу ты. Такой псевдогламур. Терпеть не могу.

– Смотри, что ты наделал! – показывает пятно на штанах.

Подходит какая-то сердобольная старушенция.

– Разъездились тут! – начинает вопить тоже.

Останавливаются ещё два человека: пожилой мужчина, похожий на профессора, и парень в косухе. Профессор начинает что-то гундеть.

Поднимаю велосипед, поворачиваюсь к девушке. Громко и отчётливо посылаю её в задницу. Сажусь, уезжаю. Вслед раздаётся отборный мат.

Домой, наверное, возвращаться не буду. Катаюсь уже больше часа, так поеду сразу к цехам. За час доберусь, там ещё час поболтаюсь, и время как раз придёт.

Выезжаю на проспект. Машины проносятся мимо, улетают вперёд. Люди – исчезают позади.

Дома, магазины, улицы, перекрёстки, светофоры, люди-люди-люди, это ведь всё тоже Зона, только другая Зона, не мёртвая, но живая, она повсюду, и каждый, кто однажды рождается, – сталкер, с самого рождения сталкер, маленький человечек в защитном костюме из розовой кожи. Он бросает гайки, чтобы провесить себе маршрут по этому городу, по этой жизни. Справа лежит Очкарик, слева лежит Пудель, а маленький человек проходит посередине, поступает в институт, женится, вертится-крутится и постоянно оставляет за собой дерьмо, всё это дерьмо, которое разгребают потом другие люди, такие же маленькие люди, которые тоже женятся, крутятся, и поступают, и оставляют за собой... И так – вечно.

Проспект постепенно превращается в шоссе. Домов становится всё меньше. Разметка изменяется. Четыре полосы переходят в три, но более широкие. Справа – военная часть, самая блатная в городе. Служащие там ходят спать домой.

До цехов ещё километров пять-шесть по прямой, но нужно ехать катетами, с шоссе съезжать на боковую дорогу, потом ещё раз, миновать деревню. Остальные, вероятно, поедут на поезде, если не появится спасительный Гаврик со своей «Тойотой».

Деревня называется Насыцк. Смешное название, пошловатое какое-то. Странно, наверное, жить и говорить что-то вроде «я – насытчанин». Или как их там.

Цех – огромный. Это не цех даже. Это руины какого-то завода, несколько спаренных цехов, гигантские помещения, точно саркофаг на Чернобыльской зоне. Собственно, мы потому его и выбрали, что он похож на кадры из компьютерной игрушки.

В заборе – прорехи и дыры, такие, что велосипед легко проходит. Аккуратно проезжаю через одну из них. Я на территории.

Мы встречаемся у главного входа. Это железные ворота, которые когда-то съезжали в сторону. Теперь они навсегда остановились примерно на середине. Краска облупилась, но можно ещё прочитать загадочную аббревиатуру ЦКД-1. Прямо перед воротами, метрах в двадцати – огромный танк для жидкости, такая гипертрофированная бочка, ржавая и дырявая. Если посветить в дыру, можно увидеть, что на дне ещё есть остатки жидкости. От неё пахнет керосином.

Звонок. Это Бочонок.

– Ты уже там?

– Да.

– Ты на велике?

– Да.

– Слушай, подъезжай к станции. У меня камера, у Кири до фи́га барахла. Возьмёшь что-нибудь на багажник.

Очень хочется послать его подальше.

– Еду.

– Давай.

Они ещё в поезде, судя по стуку колёс.

Выезжаю с территории. До станции – пять минут езды. Идти, естественно, дольше. Дорога кривая, ухабистая. Когда-то тут был асфальт, теперь – колдобины и ямы.

Вот и станция. На пригорке около навеса стоит Кирия. Остальных не видно. Он машет мне рукой, исчезает за серой стенкой. Объезжаю навес, останавливаюсь перед скамейкой. Кирия, Бочонок, Алёна, Милка.

– Гаврика уже, похоже, совсем не будет, – говорю я.

– Я буду толпу создавать, – улыбается Кирия.

Алёна смотрит на меня, прищурившись.

– Чего грузить? – спрашиваю.

Кирия наваливает мне на багажник рюкзак, набитый амуницией. Что-то громко звякает.

– Карабины, – поясняет Кирия.

Я привязываю рюкзак держателями-зацепами. Бочонок подаётся вперёд:

– А камера?

– Сам понесёшь или Кире отдашь. Не надорвёшься.

– Давай, – говорит Кирия.

Бочонок прижимает камеру к себе.

– Тогда уж сам понесу.

Милка говорит:

– А на раму меня не возьмёшь?

Она всегда готова сморозить глупость.

– Нет, – говорю я и стартую.

Через минуту все четверо уже далеко позади. Я еду осторожно, чтобы не вытрясти ничего из рюкзака. Чёрт знает, как Кирия его закрыл.

Заезжаю на территорию через ту же дыру в заборе, снова еду к воротам, но теперь сразу направляюсь к воротам цеха. Внутри довольно светло, стёкол нет, свет льётся сверху, через окна в потолке.

В дальнем углу помещения лежит шар. Он очень большой, ржавый, правильной формы. Наверное, это какая-то барокамера или что-то подобное. Но мы назначили его Исполнителем Желаний. О лучшем нельзя было и мечтать. Я проезжаю на велосипеде через весь цех, огибая остовы станков, битое стекло и кирпич, груды мусора. Оказываюсь у самого шара. Прислоняю велосипед к какому-то ограждению, подхожу к шару.

– Счастья для всех, – шепчу и прикладываю ладонь к его холодной ржавой поверхности. – А мне – Алёну.

Говорят, если веришь – то всё исполнится. Чёрт его знает. Может, этот шар здесь не просто так. Может, он здесь специально для нас.

Велосипед я прячу под железным листом, чтобы случайно в кадр не попал. Листовое железо тут повсюду: похоже, завод занимался в том числе и прокатными работами.

С рюкзаком Кири ползу вверх по лестницам. По высоте цех – с восьмизатяжку, не меньше. По периметру идут металлические леса и мостики, лестницы. Под крышей – огромные стационарные краны, шесть штук, четыре – с оборванными крюками, два – целые.

Площадка находится под самой крышей, чтобы дотянуться до потолка, нужно просто поднять руку. Тут очень светло, потому что окна близко. Площадка сетчатая, ограждение с двух сторон обломано, а в крыше ровно над площадкой – прямоугольный люк. Поднимаю ржавую приставную лестницу: специально принесли, чтобы забираться наверх. Медленно ползу по ней: рюкзак тяжёлый.

С крыши – потрясающий вид. Ходить здесь опасно, перекрытия во многих местах прогнили, проржавели. Провалиться – как тьфу.

Видна станция, если подойти к самому краю. Видны окрестные деревни.

Пока пасмурно, но солнце уже проглядывает через дыры в облаках. Нужно быстрее снимать наружные сцены, пока не стало совсем солнечно.

3

– Ну что?

Кирина голова появляется из люка.

– Ничего. Готов.

Кирия помогает подняться Бочонку. Тот пыхтит, краснеет, но забирается. Камеру Кире не отдаёт, прижимает к себе.

– Ты бы видел, что мы вчера намонтировали! – радостно кричит мне.

– Ну и?..

Кирия помогает подняться Милке.

– Такой эффект с туманом получился, супер! Я на компьютере наложил дымовуху, так за тобой там настоящий студень гонится!

Я ему верю. Бочонок и в самом деле умеет делать хорошо.

На крыше появляется Алёна. Бочонок копается в камере, готовит её к съёмке.

– Наружные сцены не понадобятся, – говорит Кирия. – Всё, что вчера наработали, идёт в фильм. Поэтому снимать будем снизу. Первый дубль – ты прыгаешь вниз, в люк. Главное – ногу не сломай.

Кирия горазд накаркать.

– Тьфу на тебя, – говорит Милка, – что ты такое городишь?

Кирия пожимает плечами.

Подхожу к люку, смотрю вниз. Снаружи кажется, что в цеху темно. Ничего почти не видно. Вытягиваю лестницу наверх.

– Ты что делаешь? Мы как спускаться будем? – спрашивает Алёна.

Опускаю лестницу обратно: не подумал.

Бочонок справился с камерой.

– Ну, пошли.

Они последовательно спускаются. Непонятно, зачем поднимались.

Раздаются голоса. Затем лязг убираемой лестницы. Свешиваюсь вниз.

– Место хоть расчистили?

– А то ж! – отзывается Кирия.

Этот прыжок я репетировал. Ребята не знают: Кирия жутко боится, что я сломаю ногу и не смогу доиграть.

– Жду команды, – кричу я.

Отхожу, готовлюсь. Нужно подбежать, присесть, упереться рукой, прыгнуть вниз, чётко приземлиться, можно с кувырком.

– Пошёл! – крик.

Подбегаю к яме, упираюсь, прыгаю. Чёрт, лететь далеко: кажется, пола вообще не будет. По ноге больно бьёт, приседаю, подпрыгиваю на здоровой ноге, бегу от площадки по переходу к боковой стене цеха. Морщусь от боли, но терплю: лица в этом кадре всё равно не видно.

– Снято! – кричит Бочонок.

Разворачиваюсь, хромаю обратно.

– Что с ногой? – в голосе Кири тревога.

– Ничего, ударил немного. Пять минут, и пройдёт.

– Давай массаж... – начинает Милка.

– Не надо, – отрезаю. – Снимаем дальше.

Теперь нужно снять, как я бегу по парапетам и подвесным переходам к крану. На кране держится Алёна, буквально на одной руке (на самом деле она подстрахована, на ней альпинистское снаряжение, она надёжно пристёгнута к крану). Я помогаю ей выбраться. Она говорит, что ждала меня. Я показываю ей шар. Мы спускаемся вниз, дотрагивается до шара, фильм заканчивается.

– Бегать сможешь? – спрашивает Кирия.

Пытаюсь пробежаться по переходу. Нога болит.

– Нужно ещё отдохнуть. Можно пока снять диалоги и сцену с шаром.

– Идея, – говорит Кирия.

Я иду первым. За мной гуськом все остальные. Кирия – последним.

– Стой! – командует Бочонок. – Здесь взяли за руки, идём по этому мосту, потом – по лестнице. Не торопись.

Он целится камерой.

Подходит Алёна. Я беру её за руку. Рука у неё тёплая и мягкая.

– Куда смотреть? – спрашивает она.

– Ну, по ходу движения, как всегда ходите.

Ещё несколько секунд.

– Пошли!

Идём. Это странно – гулять вот так с ней за руку. Непривычно. Приятно. Доходим до лестницы. Спускаемся. Крик:

– Снято!

Алёна тут же высвобождает руку, точно дотронулась до слизняка. Бочонок спешит к нам, меняет дислокацию.

– Теперь по этому мосту – дальше, до поворота.

Снова повторяется то же самое: крик «Пошли!». Кирия и Милка где-то за спиной оператора, мы с Алёной за руки.

– Стоп!

Она убирает руку.

– Пропустите! – Бочонок проталкивается мимо нас. Доволен как слон. Дубли явно удачные. Спускается на два пролёта ниже.

– Давайте сюда, ещё одна проходка пониже!

Двигаемся вниз: сначала Алёна, потом я.

– Вот тут, – показывает Бочонок. – Пройдёте по переходу, потом по той лестнице спускаетесь, первым – Рэд.

Идём к указанной лестнице. Бочонок ведёт нас камерой. Я спускаюсь, Алёна – за мной. Я поднимаю голову. Хм... Почему на ней эти дурацкие камуфляжные штаны? Потому что мы не на отдыхе. Спрыгиваю, беру её за талию, помогаю спуститься, идём прочь от лестницы.

– Снято!

Я замечаю, что из кармана Алёниной камуфляжки почти выпал MP3-плеер, чёрный наушник свисает до земли.

– У тебя плеер сейчас вывалится.

– Спасибо.

Она поднимает наушник, запихивает плеер в карман, закрывает молнию.

– Что слушаешь?

– «Нау».

Бочонок уже рядом с нами, за ним – Милка и Кирия.

– Снимать буду со спины. Идёте прямо к шару, подходите. Одновременно поднимаете руки, другие руки сцеплены. Прикасаетесь к шару. О'кей? – говорит Бочонок.

– О'кей, – отвечает Алёна.

Шар примерно в двадцати метрах.

– Ближе подойти?

– Отсюда идите.

Идём. Бочонок сзади, он идёт медленно, отпускает нас вперёд. Шар всё ближе и ближе. Я смотрю на Алёну, она – на шар. Потом переводит глаза на меня. Снова на шар. Мне кажется, что вокруг – тишина. Мне кажется, что нет ничего, кроме меня и Алёны, и шара перед нами. «Счастья для всех». Странно, что финальную сцену мы снимаем сейчас. Алёна напевает какую-то мелодию, тихо-тихо, едва слышно. Прислушиваюсь. Что-то знакомое.

До шара – метра три, осталось несколько шагов. «...тихие игры под боком у спящих людей... раннее утро, пока в доме спят даже мыши...» Она перевирает слова. Это «Нау».

Мы останавливаемся. Боковым зрением замечаю Бочонка, который приближается к нам с камерой. Мы стоим и смотрим друг на друга. Одновременно протягиваем руки и касаемся шара.

– Стоять так! Смотреть друг на друга! – говорил Бочонок.

Он наезжает камерой, в кадре теперь – наши руки на ржавой поверхности, я уверен.

– Снято, – удовлетворённо говорит Бочонок.

– Молодцы, – хвалит Кирия.

– Как нога? – спрашивает Милка.

Подпрыгиваю на травмированной ноге. Нормально. Не отзывается.

– О'кей. Пошли прыгать.

Бочонок опускает камеру. Меняет кассету. Иду к лестнице. Кирия за мной.

– Сначала снимем, как ты идёшь к ней по балке, Алёна на заднем плане будет. Потом уже крупные планы.

– Хорошо.

Алёна что-то обсуждает с Бочонком. Милка идёт последней.

Поднимаемся.

– Поможешь Алёнку крепить.

– О'кей.

Балка двутаврового сечения, по ней ездила когда-то каретка стационарного крана. Теперь кран застыл посередине, железный трос покрыт какой-то дрянью, но крюк не оборвался. Болтается. Даже можно рассмотреть на нём надпись: «5Т». Пять тонн. Что может оборвать крюк, который выдерживает такую массу?

Балка довольно широкая, сантиметров восемьдесят. Если не бояться высоты, можно спокойно пройти. Что я и делаю. Иду по балке.

– Ты куда? – в ужасе говорит Милка.

Подо мной – шесть этажей, не меньше. Иду вплоть до каретки крана. Тут есть место для оператора, площадка с поручнями. Перелезаю через поручни, разворачиваюсь.

– А что? – спрашиваю насмешливо.

Бочонок внимательно смотрит на балку.

– Алёна, ты будешь болтаться где-то в метре от крана, ближе к нам. Страховку одну привяжем к крану, вторую – к балке. Рэд, ты идёшь отсюда к ней, подхватываешь её, затягиваешь наверх. Твоя страховка привязана к крану.

– Мне не надо страховки, – говорю я.

– Красуешься? – насмешливо спрашивает Алёна.

– Да, – говорю я, перелезаю через поручни и иду обратно.

Кирия укрепляет на поясе Алёны карабин. Подхожу, проверяю. Хорошие карабины, немецкие. Профессиональное оборудование. Верёвка тоже.

– А что-то ты говорил, у тебя проблемы с верёвкой? – спрашиваю я.

– Нормально, сам видишь. Другую нашёл.

Возвращаюсь по балке к каретке, тяну за собой разматываемую Кирием верёвку. Тройным узлом перевязываю вокруг поручня платформы.

– Так будет видно, – говорит Бочонок.

На полу платформы – какая-то полусгнившая ветошь. Перекидываю её через поручень, накрываю узел.

– А так?

– Так нормально.

Алёна уже привязана. Медленно идёт ко мне, явно боится. Цепляется за меня. Смелая, блин. Надменная. Красуюсь, видите ли. Чёрт бы тебя побрал. Злюсь, но держу её крепко.

Кирия пристегнул к Алёне второй карабин. Верёвку нужно привязать там, где сказал Бочонок. Для этого необходимо разминуться с Алёной. Перекладываю её руку со своего плеча на поручень.

– Держись.

Аккуратно обхожу её, принимаю у Кири верёвку. Становлюсь на колени, обвязываю верёвкой боковину балки – там есть отверстие, куда можно пропустить конец верёвки. Вот здесь Алёна якобы срывается, а я её вытягиваю. На самом деле она висит на двух страховках, а я просто стою на балке.

– Готово.

– Тебе точно страховка не нужна?

– Нет.

– Тогда поехали.

Оборачиваюсь к Алёне.

– Иди сюда.

Она идёт, очень медленно.

– Вот тут можно схватиться двумя руками, – говорю ей.

Она садится на балку, пробует рукой место для захвата. Часть балки там проржавела, образовалась дыра. Мы обломали хрупкие края и проверили её на прочность, когда сценарий писали. Позавчера я ездил сюда и проверил ещё раз.

– Аккуратно свешиваешься вниз и повисаешь на руках. Не бойся, тебя две верёвки держат.

Бочонку:

– Их не видно?

– Нет.

Он ходит по краю моста с камерой и ищет выгодный ракурс. От его пояса тянется верёвка с карабином, пристёгнутым где-то позади.

– Алёна, сколько ты повисишь, проверяла? – спрашивает Кирия.

– Минут пять, думаю, провишу.

– Хорошо, за две справимся.

Бочонок смотрит на меня.

– В общем, когда она опускается, ты бежишь по балке до неё. Потом возвращаешься и ещё раз бежишь. Теперь уже наклоняешься, ложишься на живот и хватаешь её за руку. Типа как в последний момент. Алёна повисает у тебя на руке. Вытянешь?

– Вытяну.

– Алёна, тоже помогай, типа выбирайся, ногами балку лови.

– Хорошо.

Она говорит неуверенно.

– Это полный отстой, – вдруг изрекает Бочонок. – Ближняя страховка видна со всех сторон. Оставляйте одну.

– Чёрт, ты с ума сошёл! – говорит Киря.

– Будет лажа. Я её даже замазать не смогу.

– Тимур? – Киря поворачивается ко мне.

– А я что... У Алёны спрашивай.

Алёна смотрит на Бочонка.

– Нормально, – говорит она и отстёгивает карабин.

Иду к ней, разматываю верёвку, снимаю с балки, кидаю Кире.

– Теперь смотри, не упусти, – говорит Алёна.

Не отвечаю.

Всё готово. Киря стоит в стороне. Алёна сидит на балке. Бочонок готов к съёмке.

– Начинаю снимать, как только Алёна повисает.

Алёна сидит неподвижно. Понимаю, страшно. Даже страховка не успокаивает. Тем более, одна. Алёна что-то шепчет одними губами, переворачивается на живот и съезжает с балки. Всё, она висит на руках, а под ней – шесть этажей.

– Пошёл! – кричит Киря.

Я подбегаю к балке, мчусь по ней. Балка трясётся. Разворачиваюсь, бегу обратно. Снова к балке, бегу, наклоняюсь, плюхаюсь на живот, и в этот момент Алёна отпускает руки. Успеваю поймать. Выйдет отличный кадр. Меня тянет вниз, она нелёгкая. Держим друг друга за запястья. Алёна пытается дотянуться до балки второй рукой. Я отползаю от края, тяну на себя Алёну.

Бочонок уже в шаге от меня, он снимает её лицо. На лице – страх.

Я слышу шаги Бочонка. Рука отрывается. Делаю усилие. Рука потная, Алёна сползает вниз.

– Не вытяну, помогай, – ору.

Бочонок отскакивает назад и сталкивается с Кирей. Тот сам чуть не срывается, падает на край моста, цепляется за пол.

Алёна выскальзывает. Сейчас она должна упасть по наклонной, её должно раскачать. Как мы потом её втягивать будем?

Она падает. Невольно приходит в голову кадр из фильма «Скалолаз» со Сталлоне. Неуместная ассоциация. Где эта грёбаная страховка? Где она?

Карабин болтается в воздухе.

Мир замирает. Она смотрит на меня, она так близко, но уже не догнать, потому что она летит всё быстрее. Я ничего не чувствую. Внутри меня – абсолютная пустота. Она накатывается внезапно. Алёна красивая. Безумно красивая.

Я поднимаю голову. Киря смотрит мне в глаза.

– Ты пристёгивал? – спрашиваю я тихо.

Он отползает.

Я иду на него. Сука. Как он так пристегнул? К чему он там пристегнул? Он что-то лепечет про пояс, про застёжки.

Я иду на него.

4

Сижу в комнате. На мониторе – чернота. Я ненавижу всё. Знаете, смерть – это единственное, чего стоит бояться. Она могла уехать в Америку, выйти замуж, просто ненавидеть меня,

попасть в аварию и переломать все кости, да всё что угодно. И всегда оставался шанс. Смерть – единственное, после чего шансов уже нет.

Я говорю себе, что не увижу её больше никогда. Никогда. Волосы, глаза, руки, губы – всё исчезло.

В милицию звонила Милка. Из автомата. Сказала, нашла тело, и объяснила где. И повесила трубку.

Кирия в больнице. Я сломал ему руку. Он сказал, что напали хулиганы.

Пустота вокруг. Всё, титры.

Звонок в дверь. Это не мама – она ещё на работе. Поднимаюсь, иду к двери. Открываю, не глядя в глазок. На пороге – Бочонок. Хмуро смотрю на него, молчу.

– Войти можно?

Отступаю в сторону. Бочонок проходит, закрываю дверь.

Он идёт в мою комнату.

Становлюсь в дверях, опираюсь о косяк.

Он знает, что я ненавижу его. Это он потребовал убрать вторую страховку. Впрочем, разумом я понимаю, что его винить нельзя.

– Ну что?

– Надо доснять фильм.

Ему тяжело далась эта фраза. Он смотрит на меня и начинает лопотать быстро-быстро, будто боится, что я его ударю, не выслушав:

– Ради неё, Тимур, ради неё. Надо доснять. Я изменил сценарий. Я заснял всё. Я заснял. Ты один подойдёшь к шару. Ты пожелаешь... – он теряется, – ну, ради неё. Чтобы она не зря погибла. Чтобы этот фильм был в память о ней. Ты подойдёшь...

– Молчи, – обрываю его.

Неделю назад она была жива.

Чёрт. Фильм её памяти. Шар. Желание.

Ненавижу.

– Без Кири.

– Хорошо. И без Милки, – говорит Бочонок. – Там два дубля всего осталось. Только ты, и всё.

Она лежит на бетоне, нога подвёрнута под тело. Рука переломана в нескольких местах. Под головой растекается кровь. Кровь течёт из уголка рта. У неё ослепительно рыжие волосы.

Бочонок снимает её. Я плачу. Я прижимаюсь к её щеке и плачу. Бочонок снимает нас. Наверное, сыграть так – невозможно. Это можно только пережить.

Поднимаю на Бочонка взгляд.

– Завтра, в десять.

Он поспешно кивает:

– Да, да, в десять.

Кому теперь можно показать этот фильм?

5

Я смотрю на шар. За моей спиной – Бочонок.

– Иди к шару, – говорит он. – Просто подойди к шару, и всё. И положи на него руку. По команде закроешь глаза. Я буду снимать в разных ракурсах.

Иду к шару.

Кажется, совсем недавно рядом шла Алёна.

Цеху осталось стоять недолго. После несчастного случая власти наконец-то обратят на него внимание. Под снос.

Она идёт рядом, мне так кажется. Она держит меня за руку. Она смотрит то на меня, то на шар.

Ржавая барокамера. Золотой Шар.

Бочонок следует за мной. Затем догоняет меня и снимает сбоку. Иду очень медленно.

Подхожу. Кладу руку на шар.

– Надо повторить, – говорит Бочонок.

Возвращаюсь на исходную. Иду опять.

Бочонок вертится вокруг, снимает, старается.

Снова у шара. Дотрагиваюсь до холодной ржавой поверхности.

– Закрой глаза.

Закрываю глаза.

Где-то играет мелодия.

«Тихие игры под боком у спящих людей, каждое утро, пока в доме спят даже мыши...»

Кажется, она играет у меня в голове.

Я кладу на шар вторую ладонь. Не существует цеха. Не существует Бочонка. Не существует барокамеры.

Есть Золотой Шар.

Не нужно мне счастья.

Пусть она будет жива.

Пусть будет жива.

Пусть будет.

Пусть.

Ржавая поверхность нагревается под моими горячими ладонями.

Здесь начинаются титры.

Примечание автора

Пожалуй, это один из самых любимых мной рассказов. В первую очередь потому, что он стал первым моим литературным произведением, опубликованным на бумаге; его идейным вдохновителем и, собственно, инициатором публикации был Андрей Чертков, киновед, критик, составитель сборников, переводчик из Санкт-Петербурга.

Героиня рассказа, конечно, имеет прототип, куда же без него. В этот прототип я был в течение длительного времени безнадежно влюблён, но теперь уже странно вспоминать, поскольку героиня эмигрировала в США и живёт нынче в Нью-Йорке. Когда я писал рассказ, она как раз была в Америке впервые (затем вернулась – прежде чем уехать уже навсегда) и как раз в те самые дни попала под машину, некоторое время находилась в состоянии комы, жизнь её висела на волоске. В этом странном совпадении было нечто мистическое, и я навсегда зарёкся причинять зло литературным персонажам, списанным с реальных людей.

Впрочем, остальные герои тоже имеют прототипы, более скромные, сыгравшие в моей жизни значительно менее заметную роль. Например, упоминаемый в диалогах Гаврик действительно живёт в Минске, а во время нашего с ним знакомства он и в самом деле торговал автомобилями. Образ Кирилла списан с моего лучшего друга, а образ Милки – с девушки, за которой я ухаживал задолго до написания рассказа (она, к слову, ныне живёт в Швейцарии).

Определённая автобиографичность рассказа иногда вызывает у меня тоску по тем весёлым временам. Мы, правда, не снимали кино, но приключений хватало и без этого. И да, конечно, «Пикник на обочине» – гениальное произведение.

Здравствуй, Каин

Трава.

Она зелёная. Свежая, светлая. Капельки: кап-кап, кап-кап. Каждая травинка прекрасна, и прекрасен этот бесконечный зелёный покров.

Я лежу на земле, вжимая щеку в густую бархатную мякоть, трава щекошет кожу, трава набивается в ухо, и мне хорошо. Я ловлю губами стебелёк, перекусываю его, жую. Он невкусный, но... Неважно. Трава, деревья, листья, солнце – это жизнь. Уолт Уитмен¹ – гений. Гений.

– Джерри!

Крик прерывает моё единение с природой. Это Харпер.

Он бежит ко мне, сминая грязными замасленными ботинками траву, мою любимую зелёную траву. От него воняет потом и бензином, он тянет ко мне руки, но я отстраняюсь.

Он мастерит машину времени. Уже год этот чёртов мальчишка мастерит машину времени. Каждые две недели он врывается в мой кабинет, или в мою спальню, или просто находит меня, где бы я ни был, и ревет во всё горло: «Заработало! Иди посмотреть! Оно заработало!» И я как последний идиот иду посмотреть на скособоченную конструкцию из консервных банок, проволоки, старых будильников, порванных пружинных матрацев, веревок и прочего мусора. Она вращается, шевелится, скрипит, как паровоз сорокалетней давности, откуда-то бьют струи горячего воздуха, в топке что-то нестерпимо воняет, а Харпер носится вокруг и дёргает какие-то рычаги, кричит, бесится, то смеётся, то рыдает, потому что ни черта у него не получается.

Я отрываю голову от земли.

– Джерри! – вопит Харпер – Оно работает! Я только что отправил мышь в будущее!

Я лениво поднимаюсь.

По словам Харпера, в будущем побывали не только мыши, но ещё змеи, тушканчики, его носовой платок и панталоны Матильды Вестернлайд. Он в неё влюблён уже второй год. И зачем-то уговорил её брата спереть у неё панталоны. Интересно, сколько тот содрал с Харпера?

Харпер скачет вокруг.

– Скорее, Джерри, через три минуты появится мышь!

Я молча иду за ним. Он приплясывает, требует, чтобы я шёл быстрее, заглядывает мне в глаза. Я всем своим видом показываю, что мне совершенно неинтересна его машина, что я иду только для того, чтобы избавиться от него.

Этот мерзкий сарай построен прямо рядом с моим садом. Ему уже сто лет, а сад я разбил лишь два года тому назад. Всё равно это не сад рядом с сараем, а сарай рядом с садом. Он портит вид. Но снести его нельзя. Потому что там-Харпер-мастерит-машину-времени-умничка-наш! И кажется – женщина, мать, ей бы радоваться старшему сыну, радоваться цветам и зелени, а она смотрит на харперовские железяки и сюсюкает.

В моём саду три дорожки. В планах – четвёртая. Вдоль каждой – мои любимые левкои, орхидеи, астры, розы – всё переплетается, при этом безупречно гармонируя между собой. Искусственный водопадик, маленький, успокаивающий. Старая рама от велосипеда, обросшая плющом и ставшая каркасом для живой изгороди. Тишина, умиротворение.

И постоянный грохот из мастерской Харпера. Я заставил его вывести трубу на крышу, чтобы вонючие газы не портили сад. Но они ведь всё равно портят! Они оседают чёрным смогом на влажных листьях, они... да что говорить! Ненавижу этого маленького засранца.

– Сюда, сюда, Джерри!

Я вхожу в мастерскую. По-моему, ничего не изменилось. Та же страшная конструкция в половину помещения. Та же вонь.

¹ Уитмен, Уолт (1819–1892) – великий американский поэт, автор классического сборника «Листья травы».

Хотя нет. Сверху появились рога. Между ними проскакивают электрические искры. Чёрт, теперь эта штука точно сожжёт мне сад.

– Смотри!

Он тыкает грязным пальцем в «платформу прибытия», так он её называет. Единственное чистое место во всём помещении. Он её драит каждый день. «Ничто не должно мешать великому путешествию!» – говорит он.

Это просто белая ровная поверхность. Он вычистил её шкуркой и покрасил. Над ней нависает что-то страшное, похожее на пушечное жерло, глядящее вниз.

– Сейчас! – вопит Харпер.

Я скептически смотрю на поверхность.

– Десять... девять... восемь... – Он ведёт отсчёт.

Я демонстративно отворачиваюсь, сложив руки на груди.

– Три... два... один...

Боковым зрением наблюдаю за платформой.

– Ноль! – Он кричит, его глаза блестят.

Ничего не происходит. Машина шипит, фыркает и искрит, но белая платформа пуста.

Конечно, пуста. Как всегда.

– Сейчас, сейчас!

Он суется, бежит вокруг платформы, волнуется, потеет. Мне, впрочем, неважно. Сейчас он будет щёлкать переключателями, бормотать что-то неразборчивое, ругаться, потом придёт мама, примется его успокаивать, обнимет за плечи, отведёт в дом, накормит...

– Да всё же должно работать! Всё должно!.. Вот, вот здесь, чёрт! – закоротило! Чёрт! Она должна вынырнуть!

Я не понимаю, кто и откуда должен вынырнуть. Я разворачиваюсь и направляюсь к выходу.

– Есть!!! – торжествующий крик.

Я оборачиваюсь на всякий случай.

У Харпера в руке что-то омерзительно чёрное и обгорелое.

Я похожу поближе. Это трупик мыши, обугленный, гадкий. Харпер держит его за хвост.

– Расцелуй его, – спокойно говорю я.

Он не обращает внимания. Он подносит труп к самому моему носу, я отшатываюсь.

– Ты понимаешь, что я сделал? – кричит он. – Она из прошлого! Я перенёс её! Я немного ошибся с настройками, и её растянуло по времени, убило, но это неважно! Она вынырнула! Следующий опыт будет удачным! Сейчас, пять минут!

Он исчезает в недрах сарая.

Я выхожу на улицу.

Сколько в мире безумцев, и одним из них обязательно должен был оказаться мой брат.

– Харп! – Это мать, она зовёт его. Он, конечно, не слышит.

– Он занят, – говорю я, – мышей убивает.

Она качает головой, сходит с крыльца и идёт к сараю. Я направляюсь в дом.

Господи, как хорошо в тишине. Моя комната благоухает цветами, потому что её окно выходит прямо в сад. Окно всегда распахнуто. Я протягиваю руки через подоконник и дотрагиваюсь до яркого бутона розы, огромной, на толстом шиповатом стебле. Я царапаю руку о шип, но это неважно, потому что это малая жертва за такой потрясающий запах.

Здесь всё сделано моими руками. Вся эта красота, эти цвета и запахи, эта безупречная палитра, всё это – моих рук дело. Моих. И никто мне не помогал.

Снаружи снова рёв Харпера.

– Всем сюда! Сейчас оно произойдёт!

Я не хочу никуда идти. В комнату заглядывает Рэйчел.

– Пошли, удели ему пару минут, он на весь день отстанет.

Я отталкиваюсь от подоконника и иду за сестричкой. Она меня понимает. Она любит мой сад. Она, верно, единственный человек во всём этом грёбаном доме, который понимает меня хоть чуть-чуть. Впрочем, я всё равно не допускаю её к работе в саду. Это моя вотчина.

В сарае уже все. Мать, Рэйчел, дядюшка Гаспар, соседские пострелята Билли и Вилли. И отец. Он так редко выходит из кабинета, что я начинаю забывать, как он выглядит. Он ест в кабинете и, по-моему, спит в кабинете. Зато его аналитические статьи печатает *The Times*. И другие газеты. Раз в неделю он едет в город за книгами. Возвращается и начинает писать. И снова шесть дней его никто не видит.

Если пришёл даже отец, значит, Харпер достал всех основательно.

У Харпера торжественное лицо. Он даже обтёр его какой-то тряпкой, потому что следов сажи не видно. Он провозглашает:

– Сейчас вы станете свидетелями второго в истории человечества и первого удачного путешествия во времени! Этомышь!

Он достаёт белый комочек из клетки.

– Белаямышь! – будто это имеет хоть какое-то значение. – Я помещаю её в приёмник и отправляю в будущее на тридцать секунд! Через тридцать секунд она появится на платформе прибытия.

Он заталкивает перепуганнуюмышь в какое-то отверстие на поверхности машины.

– Поехали!

Он дёргает рычаг.

Машина трясётся и пыхтит. Между рогами на её верхней части перебегают разряды. Харпер считает.

– Девятнадцать... восемнадцать... семнадцать... шестнадцать...

Что-то громко щёлкает. Харпер прерывает счёт и испуганно оборачивается. Раздаётся треск стекла. Харпер бежит куда-то за машину. Я переглядываюсь с Рэйчел.

Харпер появляется снова.

– Всем из сарая! – ревёт он.

Начинается паника. Билли и Вилли выскакивают первыми, за ними дядюшка. Он всегда был отъявленным трусом. Я выхожу последним, медленно, напоследок оборачиваюсь, и тут раздаётся страшный грохот. Я вижу, как задняя стенка сарая падает, крыша обрушивается на машину, а из неё пышет огонь во все стороны, и в этом хаосе скрывается фигура Харпера. Я смотрю на сарай. Он наполовину обрушился, всполохи пламени лижут его стены. Мать кричит.

– Харпер! Харпер!

Отец удерживает её от того, чтобы броситься в пламя. Из сплошной завесы копоти и дыма выскакивает Харпер. Он грязен до умопомрачения, на скуле кровь, но он невредим. Он отлично подошёл бы на роль Скорби в древнегреческой трагедии. Его лицо выражает смесь ужаса, разочарования и печали. Я тайне радуюсь. Теперь всё будет гораздо спокойнее. Теперь он будет строить себе новый сарай – и я не позволю ему строить его в том же месте. Пусть делает это где-нибудь подальше от моего сада.

Сада.

Я вспоминаю падение задней стенки и всполохи огня.

Бросаюсь к саду, огибая горящий сарай справа. Так и есть. Стена похоронила под собой всю левую сторону первой дорожки. Но это не самое страшное. Огромный металлический обломок, железный лист, валяется точно посередине сада, на главной клумбе. Гиацинтам конец. Новому сорту, который я выводил так старательно и готовил к выставке в городе – теперь всё сначала. Я хватаюсь руками за лист и тяну его на себя. Он весит, наверное, тонну. И он безумно горячий. Он обжигает руки, и я сдираю кожу, а лист не сдвигается ни на сантиметр.

Я сажусь рядом, прямо на чёрную землю, и опускаю голову на руки.

Сволочь. Мелкая сволочь!

Я бегу к нему, его успокаивают, мать говорит что-то насчёт «в следующий раз получится», Рэйчел промывает ему порез на скуле.

Я расталкиваю их всех и с размаху бью по этой наглой харе, он падает, я бью его ногой под рёбра и ору, ору что-то нечленораздельное. Отец оттаскивает меня, кричит мне прямо в ухо, но я вижу перед собой только изувеченный сад и скрючившегося на земле Харпера.

* * *

Я просыпаюсь с мыслью о том, сколько работы предстоит. О расширении сада пока придётся забыть. Нужно исправлять устроенное этим подонком. Рыхлить, засеивать, удобрять, восстанавливать землю. Ехать в город за семенами. Чёрт с ним, одновременно и про запас куплю, для будущего расширения.

Я лежу в постели. В окно бьёт яркое утреннее солнце. Я поднимаюсь, облакачиваюсь о подоконник. Розы благоухают. Сад точно разделён на две половины. Двухликий Янус растительного мира. Ближняя ко мне – такая же аккуратная и прекрасная, какой была всегда. Дальняя покрыта обломками стены, кусками машины, копотью и пеплом. Сарай выгорел дотла. Потушить, конечно, не успели. Слава богу, не дали огню распространяться дальше.

По саду идёт Рэйчел. Она поднимает глаза и смотрит на меня.

– Привет, – говорит она.

Я киваю и отворачиваюсь. Мне нечего ей сказать. Мне нечего сказать матери, отцу, дядюшке. И Харперу. Его мне хочется убить. Но я сдерживаюсь. Нельзя.

Я одеваюсь и иду на кухню. Семья готовится завтракать. Дядюшка и мать уже здесь, мать хлопочет у стола. Отец, наверное, в кабинете. Входит Рэйчел.

– Где Харпер? – хрипло спрашиваю я.

Мать смотрит на меня с укоризной.

– После того, что ты вчера сделал... – начинает она.

Я взрываюсь:

– А он? Что он сделал? Он спалил к чертям собачьим свой грёбанный сарай и заодно мой сад! Он чуть дом не поджжёг, этот изобретатель хренов! Да его вообще к людям опасно подпускать! А ты мне говоришь: что я сделал? Я сделал? Будь моя воля, я бы запер его в подвале и держал на хлебе и воде! Шнурки бы отобрал, чтобы ничего не изобретал!

Я вскакиваю из-за стола и бью по нему кулаком.

– Я сделал?

Я зол. Я выбегаю из кухни и иду к комнате Харпера. Если он там, я ему добавлю ещё.

Вслед слышу крик матери:

– Бедный мальчик не выходит из комнаты!..

Дверь заперта. Я не трачу время на разговоры и открываю её ударом ноги.

Харпера там нет. Посередине комнаты стоит его письменный стол. Он очень тяжёлый, но Харпер зачем-то оттащил его от стены и поставил в центре. На столе – записка.

Я беру её.

«Мама, папа, Джерри, Рэйчел, дядюшка Гаспар!

Я не знаю, получится ли у меня, но нынче ночью я понял, что вся моя машина – это глупость, и путешествовать во времени можно гораздо проще. Я проведу эксперимент сегодня же. Я хочу отправиться на двадцать лет вперёд. А потом – назад. Если я вернусь, я принесу что-нибудь оттуда, какое-нибудь доказательство. Если не вернусь – что ж, значит, такая судьба. Может, мы снова встретимся через двадцать лет.

Ваш Харпер».

Текст в его духе. Красиво, вычурно написано, а информации – никакой. В будущее он отправится, видите ли! Вернётся, сволочь, к обеду, когда проголодается. Только зря маму разволнует. Может, не показывать ей записку?

Лучше показать, всё же спокойнее будет, чем вовсе без вести.

Сволочь. Испугался меня и сбежал куда-то. Путешественник хренов. Великий Гудини. Шарлатан.

Я отношу записку матери. Она смотрит на меня дикими глазами.

Я спускаюсь в сад.

Сколько работы, чёрт побери, сколько работы.

2

Голос приходит откуда-то издалека.

– Мистер Маллен! Мистер Маллен!

Я приоткрываю глаза, шурю от солнечного света. Тёмная фигура, спешащая ко мне, – это Дик, второй садовник.

– Мистер Маллен, похоже, *mallena* дала росток!

Я вскакиваю. Сна будто не было. *Rosa mallena*, гордость моя, лучшая из моих роз, лучшая из всего, что я когда-либо выводил. Она пробивается! Значит, семена жизнеспособны, значит, гибрид удался! Только бы он выглядел так, как я планирую!..

Мы быстро идём по тропинкам. Розарий закрытый: огромная оранжерея из стекла и металла в центре сада. Кадки, вазоны, клумбы – всё здесь. Цветы, тысячи красок, тысячи цветов, ароматы востока и запада, прекрасные, невозможные, неповторимые, пьянящие.

Я смотрю на крохотный зелёный стебелёк. Это первая рассада. Именно рассада, а не привитые цветы, не просто результат скрещивания, а семена нового сорта. *Rosa mallena*. Если за обычные шиповники мне присуждали награды и премии, что уж говорить о таком чуде. Это будет сенсация приближающейся выставки. Сенсация для всей страны.

Я чуть касаюсь пальцем влажной чёрной почвы рядом с ростком.

Новая жизнь. Я даю новую жизнь.

Я иду прочь. Дик что-то говорит младшему садовнику.

Мой дом – моя крепость. Это прекрасный дом, огромный, выдержанный в духе викторианской эпохи. Я строил его десять лет. Если бы не война, справился бы и за меньшее время.

Я поднимаюсь по узкой лестнице на крышу и ещё выше – в смотровую башенку. Господи, как это прекрасно. Мои сады. Мои виноградники. Мои парки.

Rosa mallena. Моё величайшее достижение.

– Мистер Маллен, вас к телефону.

Иду за Фрэнком. Он очень маленького роста, смешно переваливается, когда спускается по лестнице.

Аппарат в синей гостиной. Беру трубку.

– Маллен.

– Здравствуйте, мистер Маллен.

– Здравствуйте.

– С вами хочет поговорить мистер Колхаус.

– Соединяйте.

Мэр. Обычно я не занимаюсь заказами лично, но для мэра, да тем более такой объём! Колхаус понимает толк в цветах. Я планировал его сад. А он познакомил меня с Тисси, скульптором. Его парковые работы украшают теперь почти все мои сады.

– Здравствуйте, мистер Маллен.

– Здравствуйте, мистер Колхаус.

Я погружаюсь в работу. Каждый подобный разговор – это работа. Я говорю автоматически. Договариваюсь о времени, обсуждаю планы, описываю заготовки.

Колхаус хочет узнать о сроках сдачи сада при особняке его двоюродного брата. Я обнадёживаю его. «Пятого», – говорю я. На самом деле мы сдадим его на неделю раньше. И получим дополнительную прибыль за скорость исполнения.

Мы прощаемся. Я обязуюсь быть у Колхауса на приёме в среду.

Я выхожу из дома.

Хочется прогуляться. Даже проехаться. Иду к конюшне.

Вот и ты, Илайя. Мой любимый, мой милый коняжка, благородных кровей, когда-то ты блистал на ипподромах, а потом постарел, стал более спокойным и рассудительным, более умным. Здравствуй, милый.

Я трогаю рукой блестящий гладкий бок лошади. Илайя фыркает и пытается найти что-нибудь вкусное в моём кармане. Я вывожу его из стойла.

– Беркут!

Он появляется, прыткий, худенький, самый лучший конюх из всех, что у меня когда-либо работали.

– Да, сэр!

Он понимает без слов. Берёт Илайю под уздцы, ведёт к стойке, на которой висят сёдла.

Я выхожу из конюшни. Солнце светит, на небе – редкие белые барашки. Я предвкушаю запах леса, запах поля, запах травы. Не такой, как у меня в усадьбе, – настоящей, дикой травы. Какой она была в моём детстве и отрочестве. В юности, впрочем, тоже.

Вот и Беркут. Я не без труда забираюсь на Илайю, с помощью конюха. Толстею.

Мы выезжаем из усадьбы. Поля, бесконечные поля, леса, реки – до самого горизонта. Кажется, здесь нет городов, в этой благословенной земле, нет автомобилей, тракторов, нет заводов и фабрик, нет чёртова телевидения, нет Элвиса Пресли и ему подобных.

Почему-то вспоминаются губы Мэй Уэст². Когда-то я тоже хотел такой диванчик, но дизайнер мне объяснил, что он бы совсем не вписывался в общую атмосферу усадьбы.

Поля, поля. Господи, как красиво.

Трава.

* * *

Я вижу фигурку. Она довольно далеко, но я скачу быстро. Через несколько минут я понимаю, что это мужчина. Молодой мужчина. Он идёт навстречу мне по дороге. Я замедляюсь. Он не из местных: их я всех знаю. Он одет странно: в стиле сороковых годов. Мальчишка почти, и что-то неуловимо знакомое в его походке.

Он выходит на центр дороги и расставляет руки, пытаюсь остановить меня, и кричит:

– Сэр! Сэр! Стойте! Прошу вас!

Я останавливаю лошадь шагов за пять до него.

– Сэр! Скажите, пожалуйста, а деревня Бленкиншоп близко? Я туда иду?

Не люблю торопыг.

Я машу рукой за свою спину. Бленкиншоп – это туда, дальше.

– Спасибо!

Он вприпрыжку огибает лошадь и бежит по дороге.

И тут я понимаю.

Неуловимо знакомое.

Чёрт!

² «Губы Мэй Уэст» – знаменитый диван работы Сальвадора Дали, выполненный в форме сочных женских губ.

Дьявол!

Это Харпер.

Харпер через двадцать лет. Вернулся.

Я разворачиваю лошадь. Во мне – ни капли удивления. Я серьёзен абсолютно. И зол.

Я догоняю его. Он недалеко убежал, и я кричу ему вслед:

– Харпер!

Он останавливается и оглядывается. Он успел сойти с дороги и уже пробирался через рожь, хотел срезать, наверное. Я спрыгиваю с коня и иду к нему. Он идёт навстречу.

– Джерри? – спрашивает он.

Я с размаху бью его по лицу.

Вы думаете, двадцать лет что-то могут стереть? Вы думаете, двадцать лет – это много? Он остался таким же молодым. Он был младше меня на шесть лет. А теперь – на двадцать шесть. Потому что он ни капли не изменился. Он и в самом деле не сбежал. Чёрт побери, он всё-таки сделал эту свою машину.

Он поднимается с земли.

– За что, Джерри? Джерри, всё за тот сад? – Он наивен, глуп с этим вопросом.

Ко мне возвращается хладнокровие.

– Нет, – отвечаю я. – За мать, которая сгорела как свеча через год после твоего исчезновения. – Я надвигаюсь на него. – За отца, который четыре года умирал от рака желудка, и не ты, а я носил ему утку.

Он отступает в рожь.

– За Рэйчел, которую фашисты угнали в лагеря и сгноили там в дерьмо! – Я ору. – За шесть лет войны, которых ты не видел! За то, что ты сбежал! За то, что ты... – Самообладание покидает меня.

Я бью его, и снова, и снова бью, и кричу:

– Ты знаешь, что такое бомбардировки? Ты знаешь, что такое – когда тебе отказывает единственная женщина, которую ты способен любить? Ты знаешь, что такое – когда вокруг трупы, а ты должен таскать их к грузовикам? Ты знаешь, что такое – когда тебе далеко за сорок и ты добился всего, но впереди уже нет ничего! Всё! Ты, дерьмо, ты бросил всех и сбежал в лучший мир, ты решил спрыгнуть с поезда, да? Сука! Маленький убудок! Сволочь!

В моей руке камень. Я бью Харпера, разминаю его лицо в кровавую кашу, он не двигается, он мёртв.

Я встаю. Камень выпадает из моей руки. Я бреду к дороге. Сажусь на Илайю, который покорно ждал всё это время.

Мои руки в крови.

И вдруг я понимаю.

Двадцать минут назад Харпер появился из мира, который закончился двадцать лет назад. Он хотел вернуться. Он обещал вернуться в той записке. Может, он не исполнил бы своего обещания. Может, он соврал.

Я не дал ему ни единого шанса сдержать слово.

Я убил не Харпера.

Я убил мать. И, может быть, отца. И, может, даже Рэйчел. Всех их – камнем, насмерть. Размесил по спелой ржи.

Прошлого не вернуть.

Я останавливаю коня. Спрыгиваю.

Трава. Спелая, свежая трава. Капельки: кап-кап, кап-кап. Как прекрасен этот бесконечный зелёный покров. Я вжимаю щёку в траву.

Я жду радостного вопля, который вот-вот прервёт моё единение с природой.

– Джерри!

Я жду этого крика. Я хочу услышать его снова.
Господи, как хочу!
Хочу...

Примечание автора

Удивительно, но «Здравствуй, Каин» – мой второй рассказ. Первый, «Вернуться героем», тоже есть в этом сборнике.

В «Каине...» я впервые попытался писать в настоящем времени, потому что в тот момент зачитывался Чаком Палаником, – и мне понравилось. Если честно, этот рассказ вообще не требовал фантастической составляющей, поскольку в своём психологическом аспекте был самодостаточен, но так как основной целью написания был конкурс РБЖ «Азимут», пришлось «ввинтить» в рассказ машину времени. На конкурсе, кстати, рассказ занял третье место. Неплохо для второй попытки.

С тех пор утекло много воды, но «Здравствуй, Каин» мне по-прежнему нравится (хотя изрядное количество рассказов, написанных в те времена, я впоследствии стёр и объявил несуществующими). И мне приятно, что он есть в этом сборнике.

Подземелья Третьего Рима

Я спрыгиваю вниз. Сначала кажется, что под ногами ещё как минимум метра два пустоты, но это не так. Когда сжимаешь зубы и перестаёшь бояться, прыгнуть легко. Там не больше полуметра.

– Пошёл! – кричу наверх.

Даник лезет вторым. Он подвижный как обезьяна, лёгкий и выносливый. И очень весёлый: я ни разу не видел, чтобы он о чём-то грустил.

– Уф! – восклицает он, опускаясь на холодный бетон рядом со мной.

– Дальше! – кричу я.

Третьей идёт Майя. Её надо страховать: у неё слишком слабые руки при росте почти в метр девяносто. Вымахала девочка. Впрочем, она красивая, не отнимешь.

Последним спускается Ёрл. Длинное и дивное эльфийское имя, принятое в глубоком детстве, сократилось и стало удобной кличкой. Напоследок он цепляется хаером за какую-то фигну на стенке колодца и ойкает.

– Полчерепа оторвал, – говорит он уже спокойно. На лице – гримаса.

Я осматриваю свою команду.

– Ну, – говорю, – пошли.

Коридор узкий, стены серые и пыльные. Но есть чем дышать, это радует.

– И чё, это так вот тридцать лет и стоит? – спрашивает Даник.

– Ага, – отвечаю я. – С семьдесят пятого.

– Прикольно.

Всё не так и сложно. Легендарная «Волоколамская», она же «Стадион “Спартак”», она же «Спартакoвская», она же «Аэрополе». Единственная подземная станция-призрак Московского метрополитена. Мы нашли спуск через воздуховод с первой же попытки. Ориентировались на северный выход (я прочёл где-то, что с южной стороны станции – глухая стена, выход не планируется). Верёвка, просто верёвка – и мы тут. Ну, конечно, карабины, то есть не совсем уж бечева, а трос альпинистский. Станция мелкого заложения, всё легко.

Идём по коридору. Майя радостно вскрикивает:

– Крыса!

Девушки обычно боятся крыс. Эта – не боится. Крыса, смешное пушистое существо, рассадник болезней, носитель бубонной чумы. Что тут страшного. По сравнению со свиным гриппом в Мексике – ничего.

Голос Майи эхом проносится по коридору.

– Тише, – говорит Ёрл.

Он всего опасается. Он оглядывается по сторонам и иногда светит фонариком назад. Я его понимаю. Идти последним неприятно.

Проход ведёт в нечто вроде тоннеля кабельной канализации.

– Это было на фотках Скорoхода, – говорит Даник.

Было. Тут всё было на фотках Скорoхода. Скорoход спустился на станцию с цифровой зеркалкой и сделал всё, что нужно. Отличная фотосессия появилась в его Живом Журнале и на различных диггерских сайтах. Его фотографии пригодятся для ориентации на «Волоколамской». Я хочу найти что-нибудь такое, чего не нашёл он.

Мы идём вперёд и неожиданно оказываемся в тоннеле с рельсами. Здесь горят фонари.

– Интересно, это отвод или сейчас нас размажет? – спрашивает Ёрл флегматично.

За «Волоколамской» расположен пошёрстный съезд, это не секрет. «Отвод» – неправильный термин. Пошёрстный съезд соединяет разнонаправленные участки пути.

– Нормально, – говорю я. – Нам туда.

Мы идём по путям и метров через тридцать попадаем в основной тоннель. Где-то далеко шумит поезд.

Я оборачиваюсь.

– Так. Мы пережидаем поезд – и бегом по тоннелю за мной. Придавить нас не придавит, но если машинист подсечёт, что тут кто-то шляется...

– Понятно, – перебивает Даник.

Поезд проносится мимо. Это обыкновенный состав из вагонов типа 717/714, ничего особенного. Самые крутые составы ходят по Филёвской линии. Там ещё можно встретить легендарные Е и Еж. Мне они нравятся больше, чем новые «Русичи». Старые вагоны пахнут тем, чем должно пахнуть метро, – уютом, полутьмой. Там нет промежуточных вагонов, поезда составлены из головных, правда, с некоторых сняты моторы.

Поезд проходит.

– Пошли!

Мы выбегаем из боковой ветки и несёмся что есть мочи. По шпалам бежать довольно трудно. По станционным путям – проще, там есть углубление, чтобы случайно упавший на рельсы мог избежать поезда. Внутри тоннеля – просто шпалы, как на железной дороге.

Впереди – огни станции. Я прижимаюсь к левой стене и по железной лесенке взлетаю на платформу.

Больше всего я опасаясь, что Майя споткнётся. Но всё в порядке.

Я иду и осматриваюсь. «Волоколамская» никогда не работала. От наземной «Первомайской» на Арбатско-Покровской линии осталась лепнина под крышей депо и два характерных въезда для поездов. На закрытой наземной «Калужской» (Калужского радиуса) до сих пор висят оригинальные светильники шестидесятых. «Волоколамская» – это просто бетонный скелет. Станция, которая родилась мёртвой.

Мы идём по платформе. Фонари достаточно яркие, как ни странно. Когда я проезжал мимо станции в поезде, они то горели, то нет. Нам повезло.

– Э-ге-гей!!! – орёт Даник.

– Сам ты гей, – отвечаю я, смеясь.

Михайлов и Скороход круты, ничего не скажешь. Но мы тоже сюда добрались. Я дотрагиваюсь до осыпающейся бетонной колонны. Ёрл осматривается. Даник что-то фотографирует. Майя обнимает одну из колонн.

– Ты чего делаешь? – спрашиваю.

Она поворачивает ко мне голову и счастливо улыбается.

– Его зовут Шаплюск, – говорит она.

Я помню, откуда это. Из повести Дяченко «Подземный ветер». Там были два фонаря – Шаплюск и Даюванн.

Я улыбаюсь. Она хорошая, когда улыбается. Когда Майя грустит, у неё под глазами появляются синяки. Это придаёт ей какой-то диковинный готический вид.

– А его – Даюванн! – говорит она, показывая на противоположный столб.

Мне хорошо сейчас. Друзья, заброшенная станция. Романтика.

Ёрл уже добрался до противоположного конца платформы. Там – единственный выход. Наверх поднимаются ступени. Он идёт по ним. Лестница заканчивается бетонной плитой.

Это просто. Станцию строили открытым методом: выкопали котлован, поверх настелили плиты. Так же поступили и со входами. Просто положили бетон – и всё.

Вот так ты поднимаешься всю жизнь вверх, стремишься к чему-то, борешься за что-то, зарабатываешь деньги, ездишь по чужим городам, любишь разных женщин, а тебя всё равно ждёт бетонный потолок заброшенной станции метро. Ты упираешься в этот потолок головой и падаешь вниз. А тебе кажется – что вверх. Что ты по-прежнему идёшь вверх.

Ёрл дотрагивается до ржавой сетки, которая не позволяет добраться до места, где лестница смыкается с бетонной плитой.

– Даник, щёлкни тут.

Раздаётся шум поезда. Они редко сейчас ходят. Раз в пять минут где-то. Вечер всё-таки, почти двенадцать.

Мы прячемся за ближайшими колоннами, Ёрл плашмя падает на лестницу. Поезд проносится, сверкая окнами. Даник появляется из-за колонны и ловит в прицел объектива Майю. Она отворачивается и прячет лицо.

– Не надо, – говорит она.

– Она не любит фотографироваться, – поддакиваю я.

Мне всегда хотелось сфотографировать её обнажённой, но это тайная фантазия. Впрочем, по-моему, не только моя, судя по взгляду Даника. Но Майя боится фотографироваться. Будто фотография забирает часть души.

Я помню, одна девочка старательно доказывала мне это. Она смешно тянула слова, говорила жеманно и медленно. Особенно забавным в её произношении было слово «наво-о-оз» – она училась в сельскохозяйственном, специальность «Животноводство» или что-то в этом роде, – которое звучало так, будто его произносит по меньшей мере императрица. Она очень боялась фотографии. Она не любила себя на фото. Она отворачивалась, когда видела на фото своих знакомых.

Майя – проще. Она просто не любит фотографироваться.

– Пошли под платформу, – говорит Даник.

Это нетрудно. С того же конца станции можно спуститься и попасть в подплатформенное пространство, в кабельную канализацию. Мы спускаемся по очереди: Даник, Ёрл, Майя, последним – я.

Тут можно стоять во весь рост, даже Майе.

Что-то бурчит и чухает за решёткой. Это насосная установка. Она ухожена, электрический щит выкрашен в синий цвет с жёлтым треугольником «опасность», какие-то вентили помечены красным. Тут бывают люди.

– Опа, так тут всю кипит работа! – говорит Даник, поднимая объектив.

– А ты что думал, – отвечает Ёрл, – поезда же ходят.

На самом деле, тут нет ничего интересного. Это просто бетонный недострой. Таких в городе – пруд пруди. Схватчики играют на них в свою «Схватку», «Дозор», «Encounter» и так далее. И я играю – правда, в штабе. Даник – полевой игрок.

Но у этого недостроя есть одно отличие. Это запретный плод. Сюда нельзя. Совсем нельзя. Как в депо, где на путях стоит знаменитый московский памятник «механическому Ленину». В тысяча девятьсот двадцать пятом году рабочие вагонных и паровозных мастерских пятого участка тяги соорудили чудовищную конструкцию из балок, колёс от локомотивов, каких-то перемычек, водрузили наверх небольшую статую Ленина и поставили это чудо в депо. Оно и поныне там, в любительском музее паровозного дела. Кстати, это не просто случайный памятник. Он даже вошёл в одну из хрестоматий по русскому авангарду.

– Эй, – кричит мне Даник, – ты чего там, заснул?

– Иду, – откликаюсь я.

Над нами проносится поезд.

Мы снова поднимаемся на платформу.

– Что-то скучно стало, – говорит Майя.

Она кружится прочь от нас по пустой платформе, вальсируя с человеком-невидимкой.

– Метро-два тут нет? – спрашивает Ёрл.

– Вообще-то есть, – неожиданно отвечает Даник.

Я поворачиваюсь к нему.

Тут не должно быть никакого Метро-2. Точнее, Д6. Название «Метро-2» привязалось к секретной системе сообщения в начале девяностых, когда какой-то лихой журналист написал о Д6 статью в «Огоньке». У Метро-2 всего пять линий – и ни одна не идёт на север. Нулевая линия проложена по центру Москвы; первая идёт от Кремля к аэропорту Внуково-2 и проходит через Ленинские горы, Раменский подземный город, Академию ФСБ; вторая линия соединяет Кремль с правительственным пансионатом «Бор»; третья линия ведёт к посёлку Заря, где под землёй базируется Генштаб; четвёртая соединяет станцию метро «Смоленская» с Барвихой.

В районе «Волоколамской» Метро-2 не должно быть.

– Где?

Даник показывает рукой в сторону удаляющейся Майи.

– Там, когда мы бежали, я видел сбоку ответвление путей, уходящих за стальную дверь.

Бронированную.

Мы быстро идём в другой конец платформы.

Майя думает, что мы – за ней, и прячется за колонну.

– Пошли Метро-2 искать, – машет Даник рукой.

– Не хочу, – улыбается Майя.

Мы оставляем её позади, обнимающуюся со своим Шаплюском.

Раздаётся шум поезда. Мы прячемся за столбы.

Переждав, подходим к краю платформы.

– Нужно пропустить следующий, – говорит Ёрл.

Я утвердительно хмыкаю.

Ждать приходится долго. Я смотрю на глухую стенку, Даник фотографирует общий вид станции. Где-то посередине танцует Майя.

Поезд приближается.

Я ощупываю стену и вдруг понимаю, что серая штукатурка отваливается прямо под моими руками, а под ней – красный кирпич и потрескавшийся раствор в швах. Я достаю нож и стучу рукояткой по кирпичам. Звук – гулкий.

В этот момент мимо проносится поезд. Я едва успеваю убрать нож, как Даник командует:

– Пошли.

Мы стартуем.

И действительно, буквально в двадцати метрах от платформы рельсы разветвляются.

Одна ветка уходит за широкую стальную дверь.

– Ты и в самом деле думаешь, что это Метро-2? – спрашиваю я.

– А что?

– Может, обычное бомбоубежище. Щёлкай, и пошли обратно: тут опасно.

Даник фотографирует дверь.

Суть в том, что я уже не думаю ни о какой двери. Я думаю о стене. Почему с одной стороны лестницу просто накрыли бетонной плитой до лучших времён, а с другой – ещё и кирпичом заложили?

Мы выползаем на платформу, где нас встречает Майя.

– Ну что?

– Даник слажал, – улыбаюсь я.

– Типа эт-та, – Даник имитирует произношение гопника, – заткнись, тип-па.

Майя хихикает.

Я обращаю их внимание на стену.

– Смотрите, – говорю. – Тут всего-то слой кирпичей. Закладывали что-то впопыхах.

Ёрл хмыкает, ощупывает стену.

– А чего думать, рубить надо, – говорит Даник и жестом Рэмбо извлекает из-за спины кирку.

Мы взяли две кирки – на всякий случай. Зацепиться за что-нибудь или устроить погромчик.

– Минут двадцать, – оценивает Даник.

Я уже бью по стене.

Серое покрытие отлетает легко. Пыль попадает в глаза. У Майи должны быть очки – обычные, не защитные, но тоже поможет хоть чуть-чуть.

– Май, у тебя очки далеко?

– Вообще не брала.

Собрались, называется.

Мы лупим по стене что есть сил. Под штукатуркой и первым слоем кирпича обнаруживается второй. Шум поезда заставляет нас присесть и сделаться невидимыми.

Данила первым пробивается через стену. Его кирка уходит в никуда, проваливается в пустоту. Он рвёт её на себя и титаническим усилием умудряется выворотить штук пять кирпичей за раз.

– Кирку ломаешь, – скептически говорю я.

Ёрл забирает кирку у Данилы и подменяет его.

Мы работаем ещё около десяти минут. Идёт всё хуже: слабое место мы пробили, вокруг него раствор много крепче. Каждые несколько минут проходит поезд: но это хорошо, потому что без отдыха тут не справиться.

Впрочем, уже полпервого, кажется. Скоро поезда закончатся.

– Кстати, тут «Билайн» ловит, – говорит Майя.

Данила проверяет свой мобильник:

– И «МТС».

У меня и у Ёрла – «Билайн», нам проверять нет смысла. Но то, что мобильник берёт, – это очень хорошо. В каком-нибудь экстремальном случае можно позвать на помощь.

Мы продолжаем работу. В отверстие уже получится протиснуться, но мы хотим расширить его до такой степени, чтобы можно было пройти легко. Ёрл светит фонариком в отверстие, я тоже заглядываю.

Вверх, к бетонной плите, перекрывающей выход, идёт такая же, как и с противоположной стороны, лестница. Только вот посередине этой лестницы чернеет провал размерами примерно два на три метра. А что в провале – разглядеть не получается.

Мы смотрим друг на друга и начинаем долбить стену с удвоенной силой.

Через несколько минут пролом уже достаточно велик. Первым туда пробивается отдохнувший Данила. Мы с Ёрлом сидим и вытираем вспотевшие лбы. Майя идёт следом за Даником. В проломе сверкает фотовспышка.

Появляется голова Даника. Где-то в тоннеле ревёт поезд. Мы вяло переползаем через пролом, чтобы скрыться.

Лестница усыпана мелкими камнями. Чёрная дыра – прямо по центру.

– Края крепкие, я проверил, – говорит Даник.

Я подхожу к краю и свечу вниз фонариком. Виден только засыпанный трухой пол. Невысоко – метра четыре.

Данила сбрасывает вниз верёвку. Кошку он укрепляет на краю пролома, который мы сделали в стене: длины верёвки вполне хватает.

Данила спускается первым. У меня руки побаливают после кирки. Ёрл идёт вторым, за ним – Майя. Я – последний.

Это большое помещение, даже очень большое для подземного. И некогда оно было жилым.

– Это стол, – говорит Ёрл.

Длинная столешница – человек на сорок, не меньше. Она пыльная и загаженная, но на ней стоит посуда, валяются осколки. Я подхожу и беру книгу, которая лежит на самом краю.

Катаев, Иван Николаевич. «Сердце». 1927 год. Книга рассыпается у меня в руках.

– Кажется, Скороход нервно курит где-то в сторонке, – говорит Ёрл.

– И михайловские – тоже, – поддакивает Даник.

Среди разбитых чашек – ещё одна книга.

Это «Илиада». Издание – Санкт-Петербург, 1829. Первое русское издание «Илиады». По-моему, это очень дорогая книга. Я боюсь до неё дотрагиваться.

Ёрл что-то восторженно говорит Данику. Майя рассматривает стены. На них – рамы с полуистлевшими картинами.

Я иду вдоль стола. Во главе стоит стул с высокой спинкой – точно трон. И снова книга. Один из томов собрания сочинений Пушкина, 1936 год.

Передо мной – проём. Может, тут когда-то и была дверь, но теперь её нет.

Я в следующем помещении. Оно чуть поменьше, из него ведёт ряд проходов. В одном из них на единственной петле болтается дверь. Деревянная, с резьбой. Фонарик высвечивает в темноте детали.

Данила фотографирует. Наверное, стол, книги, картины. Может, что-то ещё.

Мне на плечо ложится рука. Я резко оборачиваюсь: никого нет. Отпрыгиваю назад, сердце колотится, как паровой молот. Это Майя. Она смеётся.

– Нельзя же так, – говорю я укоризненно.

Она приближается своё лицо к моему так, что мне достаточно чуть податься вперёд, чтобы её поцеловать.

– Можно, – шепчет она и со смехом отстраняется.

Я немного разочарован, но это неважно. Важно то, что вокруг нас.

Я захожу в один из проходов. Довольно длинный коридор с рядами дверей по бокам. Кое-где двери ещё есть, кое-где они валяются на усыпанном бетонным крошевом полу. Свечу фонариком в одну из комнат. Тут кто-то жил. Остов железной кровати, сломанная тумбочка, платяной шкаф с истлевшей одеждой. На тумбочке – снова книга. И ещё книги – на полке. Издания конца девятнадцатого – начала двадцатого века.

Я люблю книги – и Майя тоже. У Ёрла нет на них времени: весь свой досуг он посвящает лошадям. У него три лошади и небольшой участок земли где-то под Москвой. Даник прочёл в жизни три книги – первую, вторую и синюю, но это не мешает ему быть умным и приятным собеседником. Всё, что он знает, взято из Интернета.

Следующая комната: кровать, стол, томик стихов. Обложки нет. Первая страница покрыта пылью. Аккуратно сдуваю пыль. Просматривается:

«Я конквистадор в панцире железном,
Я весело преследую звезду...»

Николай Степанович, 1905 год.

Странные книги. Странное собрание. Почему они тут? Что это за место? Почему его не исследуют? Что здесь кроется?..

Данила бежит по комнатам и фотографирует. Ёрл находит серебряную ложку и говорит:

– По-моему, тут можно немножко подзаработать. – Его бандана покрыта пылью.

Я выхожу из комнаты, и тут появляется Майя.

– Пойдём, – говорит она.

Мы идём, рука об руку, в одну из дверей, проходим по коридору, минуем большое помещение, потом ещё одно, потом спускаемся по лестнице. Я едва успеваю крутить головой по

сторонам. На стенах – всё те же рамы с истлевшими картинами. Обломки мебели. Мусор на полу.

Майя останавливается.

Это склеп. Могильник. В стене – ящики. Не маленькие, не для кремационных урн – а большие ячейки, как в морге, только каменные, тяжёлые.

– Читай, – говорит она.

«Зеров Николай Константинович. 1890–1951». Мне ничего это не говорит.

«Орешин Пётр Васильевич. 1887–1948». Не знаю.

«Корнилов Борис Петрович. 1907–1949». Что-то слышал, но не могу вспомнить.

– Кто все эти люди?

– Читай дальше, – говорит Майя.

Я смотрю на неё. Она отворачивается от фонарика. Неожиданно я понимаю, что на её глазах – слёзы. Настоящие. И обидел её не я. Она плачет из-за того, что прочла на этих надгробиях.

Я продолжаю читать.

«Ауслендер Сергей Абрамович. 1886–1942».

«Мицишвили Николоз Иосифович. 1894–1953».

Сходные даты рождения. Сходные даты смерти. Все они умерли тут, в бункере.

И в этот момент меня бьёт током. По-настоящему – хотя никакого тока тут нет. Я ещё раз читаю надпись на следующем саркофаге. А потом – ещё раз. И ещё. Потому что не могу понять. И поверить.

– Прочитай это вслух, – говорит Майя.

И я читаю.

– Николай Степанович Гумилёв. 1886–1948.

Я могу не знать, кем были похороненные в других могилах. Эти имена мне ничего не говорят. Но я твёрдо знаю, что Гумилёва расстреляли в один из дней с третьего по двадцать четвёртое августа тысяча девятьсот двадцать первого года. Где он похоронен – неизвестно. Может, в Бернгардовке, может, в Лисьем Носу. Но факт его смерти в двадцать первом – неопровержим.

Он до последних минут хранил то самое спокойствие, с которым водил в атаку конных улан или стрелял львов. Он попросил Анну Энгельгардт, свою вторую жену, прислать ему в тюрьму Гомера и Евангелие. Когда ему предлагали бежать из Петербурга, он спрашивал: «Зачем мне куда-то бежать?» Он заявлял о своих монархических воззрениях матросам Балт-флота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.